

18+

Степан Исаченко

Десять этажей

Степан Исаченко

Десять этажей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65841709

ISBN 9785005504746

Аннотация

Десять этажей, десять миров. Каждый этаж – своя отдельная история. История о деревенском дурачке, исполнившем мечту, космическое путешествие под музыку диско, воспоминания призраков и виртуальные миры. Десять весёлых и грустных историй о людях и не только.

Содержание

Любивший смотреть на звёзды	5
Человек, который знал больше других	15
Последний визит	28
Следы	45
Двести Восьмой и Майкл Джексон	76
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Десять этажей

Степан Исаченко

© Степан Исаченко, 2021

ISBN 978-5-0055-0474-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любивший смотреть на звёзды

Не, Толик, он, конечно, чудак! Да он ещё с детства такой был. Вот сколько его помню, всё время чего-то чудил. Да постоянно, я ж его с первого класса знаю. За одной партой сидели. Вот помню, классе в пятом, что ли, притащил в класс белку. Чёрненькая такая, вертлявая, и с хвостом пушистым. Принёс, значит, показал всем, погладили мы её дружно. А потом он взял и положил её в стол учительский. Говорил, мол, Зинаида Петровна очень белок любит. Ну вот он ей и положил белку в стол. Зачем? А, так у неё ж тогда день рождения был. Да у Зинаиды Петровны, конечно, не у белки же! Так вот, приходит в класс наша Зинаида и топает к столу своему. Ну мы тут замерли, знаем же про белку в столе. Одна только Манька Стригунова рот раскрыла, видать, рассказать хотела, да так и не смогла. Она ж у нас всегда ябеда была. Сидим, наблюдаем. А Толик меня, значит, локтем пихнул и гордо так смотрит: дескать, гляди, как обрадуется! Зинаида Петровна к столу подошла, журнал со всячиной всякой положила и садится. Мы дыхание затаили и ждём. Она нас оглядела так, словно чего заподозрила, и спокойно ящик стола открыла. А белка оттуда ей на грудь-то и прыгнула. А Толик такой довольный кричит на весь класс, мол, с Днём рождения. Ну, потом-то, естественно, вызвали родителей к директору, разбирались долго. Ох и вле-

тело тогда Толику, матушки... Что? Что стало с Зинаидой Петровной, спрашиваете? Так она ж чуть не слегла на месте, сердце подвело. Но Толика это, конечно, не остановило. Он же у нас такой...

Кстати, у Вас не будет сигаретки? Ага, спасибо! О, давненько таких не пробовал...

Ну, Толик-то постоянно у нас чего-нибудь вытворял! Классе где-то в девятом он у нас чего сотворил-то. Тогда наш Фима Штейн, маленький такой и с кучеряшками, схлопотал «двойку» по химии, прямо под конец четверти. Сидит, переживает. Ну Толик его и пожалел. И как-то во время урока, когда наш химик, дряхлый Карп Игнатъевич, вышел покурить – а он два раза за урок курить выходил – Толик, поставив Валюху Серёгина у двери, пошёл спасать Фимино положение. Открыл, значит, журнал и начал рассматривать реактивы в баночках на учительском столе. Сколько раз наш директор Карпа Игнатъевича ругал за то, что реактивы бросает, а тому всё до одного места было. Ну, значит, Толик открыл какую-то банку и говорит, что, мол, это в самый раз. Он-то химию на «пять» знал, не хуже Карпа. Взял Толик палочку стеклянную, зачерпнул порошок из баночки и прямо на Фимино «двойку» в журнал высыпал. И полил сверху чем-то там зелёньким из пробирки. Мы смотрим, Валюха караулит. Одна вот только Манька Стригунова рот раскрыла, но ничего не сказала. А в журнале тем временем пузырьки пошли, и чернила стали исчезать. Толик сразу за-

улыбался, и Фима с ним на пару. Тут ещё Лёшик Петрухин стал просить, чтоб и его «двойк» по алгебре вывели. Да только в это время дым повалил, и порошок начал журнал насквозь прожигать. В общем, когда Карп Игнатьевич с разящим от него запахом табака вернулся, смесь уже стол почти проела. Ох и влетело тогда Толику, по самое коромысло... Да и Карп от директора и завхоза получил тогда прилично! А Фиму, кстати, тогда оставили на второй год. Но Толика, конечно, такой ерундой не остановишь. Он же у нас такой...

Ой, дайте-ка мне пепельницу, а то не достану. Ага, спасибо! Кстати, эти сигареты раньше, по-моему, лучше были...

Да Толик, он же вечно чего-то там творил! Вон, на выпускной-то на наш припёрся с ведром и подушкой. Мы ему говорим, зачем тебе, дескать, ведро на выпускном, да ещё и с подушкой. А он нам отвечает, увидите, мол. Раздобыл где-то ножик, подушку распорол и все перья в ведро высыпал. Послал Валюху на улицу, нет ли кого. Мы же в клубе сельском отмечали. Валюха возвращается и говорит, что Николай Александрович идёт. Это директор наш. Ну, тут Толик дверь входную приоткрыл, взял ведро с перьями и сверху поставил. Ну, знаете, шутка такая – открываешь дверь, а тебя водой обдаёт. А Толик перьев наложил, чтоб Саныч не намок. Ну, мы замерли, ждём. Одна вот только Манька Стригунова рот раскрыла, но не успела ничего сказать. Зашёл, значит, директор наш. А Толик, я так понял, не рассчитал чего-то, ну, Саныча ведром по голове и огрело. Прямо по лы-

сине. Ох и влетело тогда Толику, конкретно так... А директор весь выпускной с красной лысиной просидел. Простил, правда, Толика. Но Толик, конечно же, ничего не перестал чудить. Он же у нас такой...

Ой, а Вы пепельницу обратно не поставите, будьте так любезны. Ага, спасибо! Кстати, не подскажите, сколько времени сейчас? Сколько? Ага, спасибо! Значит, успеваю ещё...

А Толик, он же всегда был со странностями! Да я его когда впервые увидел, сразу это понял. Мы ж с первого класса вместе. А, я уже говорил, да? Так о чём это я? Ах, да, была же у Толика одна особенность – любил он на звёзды смотреть. Да нет, не в том смысле, как все, ради красоты, там, как обычно на Луну смотрят или на Млечный путь. Он смотрел так, вот будто ждал чего. Ага, честное слово. Вот как люди, бывает, сидят подолгу на остановке и начинают на дорогу смотреть, не едет ли что. Вот, Толик вот так на звёзды смотрел. Ага. Он же у нас большой любитель фантастики, с детства ещё. И книжек у него уйма всяких, и фильмы разные обожал. И вот обязательно, чтобы про космос и инопланетян. Ага! И вот чтобы обязательно пришельцы там хорошие были. Вот Вы фильм смотрели, как его... «Инопланетян»? Ага, вот такое он всё любил. Ну, и на звёзды он всё смотрел, дескать, ждал, что прилетят за ним и с собой заберут. Ага, так и было! Мы-то, конечно, смеялись над ним, ну так он всегда со странностями был. И вот он как-то мне даже сказал, что видел огни в небе. Не звезда, говорит, не комета, не са-

молёт и не спутник, а именно что-то там... неопознанное. Радовался, как ребёнок, довольный был. Он же из-за этого и на астрофизику пошёл учиться. Ну, всё село над ним тогда смеялось. Кто куда, а этот – в астрофизику. Правда, бросил потом, не удовлетворило его... Начал сам какие-то исследования проводить. Вот, например, покажут, что где-то на другом конце страны нашли круги на полях, ну знаете, такие непонятные... Ага, так он сразу берёт билет и мчится туда. Лазил там, измерял всё, записывал и чего-то там подсчитывал. А потом домой приезжал и мне всё показывал да разъяснял. Мы ж с ним с первого класса вместе. Ещё он начал письма писать в разные организации типа «Космопоиск» и всё такое. А мы над ним, конечно, посмеивались. Но Толик, он же у нас такой...

Так я к чему всё это рассказываю-то? Ах, да! Представляете, полгода назад забегает ко мне и радостно так заявляет, нашёл, мол. Чего нашёл, спрашиваю я его. А он мне говорит, что вступил в контакт. Рассказывал мне, мол, сидел как-то ночью в поле с телескопом, ждал и записи всякие делал. Ну, говорит, смотрит, что где-то на востоке горизонт светится. Ну, знаете, мужики наши когда допоздна пашут, всегда так светится. Ну и он не придал значения. А потом, говорит, шум какой-то такой низкий, и свет тот стал приближаться. Толик говорит, что глазам не поверил тогда. Дескать, дождался-таки! Летит, значит, большое такое что-то, всё в огнях, и снизу под ним вихри из травы и листьев опавших. По-

том, говорит, зависла метрах в ста от него, опустилась почти до самой земли и что-то вроде трапа выкинула. Смеётесь? Ага, я тоже тогда улыбался. А Толик, говорит, сидел и ждал. Потом, говорит, люк какой-то возле трапа открылся, и свет оттуда яркий-яркий светит. Выходят, говорит, трое. Высокого роста, все такие худые, серые, лысые, с большими головами вытянутыми и глазами огромными. Ну, говорит, пошёл к ним навстречу. А они, значит, руки подняли, приветствуют, дескать. А потом протягивают ему штуковину какую-то кругленькую с крючком. И на ухо показывают, одень, мол. Ну, Толик, штуку ту в ухо вставил, а они давай с ним булькать на своём языке. Бульк да бульк. А эта штука как переводчик какой-то, вот Толик все бульки эти понимает, что ему говорят. Серые ему говорят, дескать, тарелка наша сломалась, и помощь нам твоя нужна. Так она же летает, говорит им Толик. Не, на своём языке, а те, видать, тоже с переводчиками, не знаю. В общем, говорят ему серые, тарелка наша может летать в воздухе, а вот с планеты не может улететь, тяги не хватает. Ага, гравипапа нужна, как в том кино! И чем могу помочь, спрашивал их Толик. Они ему говорят, мол, ядерное топливо нам нужно. Помните, у нас вон том лесу секретная часть ракетная стоит? Ну та, про которую все знают. Ага, вот они ему и показывают на тот лес и говорят, мол, там надо добыть. Сами, говорят, не можем, боимся ваших военных. И просят его добыть. Ну, после этого сели и улетели. А он, значит, остался в поле с мыслями своими. Он мне

ещё показывал шарик этот с крючочками, переводчик. Ну, штукавина как штукавина, может, запчасть какая от телевизора импортного, не знаю. Ну, ушёл тогда Толик, но я никому о том, конечно, не говорил, а то засмеют ещё мужика. Вот и не сказал никому. Мы ж с ним с первого класса вместе...

Сколько Вы говорите, времени-то? Ага, спасибо! Успеваю ещё, значит...

После того раза Толик как-то поменялся. Замкнутый стал какой-то, всё больше один стал ходить везде. Уйдёт, бывало, в лес один и не показывается неделями. Мы уж думали пару раз поиски организовывать. Но нет, появлялся потом. Ну, мы постепенно привыкали к нему новому. Никто, конечно, не знал, что он с пришельцами разговаривал. Да и я как-то не особо ему верил. Ну, Вы знаете, он же у нас со странностями был...

И вот, где-то с месяц назад, прибегает ко мне Толик, выросший, грязный, весь в поту, и сумкой какой-то в руках большой. Глаза бегают, вращаются. Спасай, говорит, мне нужно сумку эту спрятать! Там, говорит, топливо для тарелки. А я, говорит, никому, кроме тебя не доверяю. Мы же с первого класса вместе. Ну, хорошо, думаю, что я жену с детьми отправил к родне в город, а то перепугал бы всех. А Толик говорит, положи, мол, подальше где-нибудь, я заберу, как уляжется. А сам как-то трясётся так нервно. Ну, думаю, надо успокоить мужика. Беру сумку у него – тяжеленная такая – и уношу в сарай, за дровами там спрятал, чтоб

никто из моих не нашёл. А Толик после этого пропал. Со-
всем пропал, нигде не могли найти.

А через пару дней слышу, сигналит кто-то во дворе. Вы-
хожу, перчатки снимаю, смотрю – «УАЗик» милицейский
стоит и ещё один, с номерами чёрными. Выходят два мили-
ционер, пара военных и трое в белом, типа врачей. Здрав-
ствуйте, говорят, Вы такой-то? Отвечаю, что я. Они говорят,
знаете, мол, Анатолия Ивановича Спиридонова? Конечно,
говорю, с первого класса же вместе. Он, говорят, не прихо-
дил к Вам в ближайшие дни? Я помялся немного и говорю,
нет, мол. Они мне потом начали объяснять, что Толик наш,
оказывается, сошёл с ума. Ага! Повернулся на пришельцах
и всё в таком. Как это называется, шизофрения, что ли... Ну,
в общем, Толик себе внушил, что он встречался с иноплане-
тнянами, и те ему сказали, что топливо им ядерное нуж-
но. И вот Толик наш, чудик деревенский, устроил нападение
на секретную военную часть! Нет, Вы только это представь-
те: толпа вооружённых солдат, и наш Толик умудрился вы-
красть у них контейнер какой-то с ядерными отходами. И вот
теперь Толика нашего ищет и милиция, и военные, и сани-
тары. Шуму потом по селу было, искали Толика везде, лес
перерыли, но не нашли его. А я про сумку его так и не ска-
зал никому. Не знаю, может, потому, что он друг мой. Мы ж
с ним за одной партой с первого класса...

Ой, у Вас ещё сигаретки не будет? А то забыл свои дома.
Ага, спасибо!

Так я к чему всё это рассказываю-то? Ах, да! Потихоньку улеглось всё, только военные всё по лесам шарили. Забыли потихоньку про Толика. Да вот только сегодня ночью зазвонил у меня телефон. А там Толик. Привези мне, говорит, сумку мою. На поле, говорит, гречишное. Знаете, если бы жена с детьми вернулась, я бы, наверное, не поехал. Но, почему, не знаю, завёл я свою «Ниву», достал сумку из дровяника и поехал на поле гречишное. Фары, правда, не включал, чтобы внимание не привлекать. Дорогу-то наизусть знаю. Еду, значит, по полю, смотрю, стоит Толик посреди дороги. Худой такой, заросший, одежда вся растрёпанная. Остановил я «Ниву», выхожу. Тебя, говорю, всем селом ищут, а также милиция и военные. И врачи, говорю. Все говорят, что ты с ума сошёл. Толик заулыбался и просит сумку. Я, правда, начал сомневаться. Но тут справа загорелся яркий красный свет. Смотрю туда, а там... Висит она, огромная такая, вся в огнях. И вижу, идут к нам... Серые, высокие, как Толик говорил. Я замер и стою на месте. Они подходят, на меня посмотрели, и начали булькать чего-то. А Толик мне говорит, мол, времени нету, сумка нужна. Отдал я ему сумку, он передал серым, и те понесли её вовнутрь. Ну, говорит Толик, прощай, дружище, я с ними улетаю. Всю жизнь ведь ждал. Обнялись мы, попрощались, и он ушёл в тарелку, та поднялась и улетела за горизонт. А я остался в поле, глядя ей в след да рот открыв.

Что, не верите? Да ладно Вам, что Вы смеётесь? Я же тоже

до сегодняшней ночи не верил. Да было это, серьёзно! Своими же глазами видел! А, ладно Вам...

А Толик наш, я думаю, летит куда-то сейчас с друзьями своими. Неспроста же он их всю жизнь ждал. Он же всю жизнь любил на звёзды смотреть. Это же Толик. Он же у нас такой...

28—29 августа 2010

Человек, который знал больше других

Я сижу в придорожном кафе где-то посередине между городом А и городом Б. Какие это города, для меня большого значения не имеет. Почему, спросите вы? Да просто перед моими глазами уже промелькнуло столько городов, посёлков, деревень, станций и просто отдельно стоящих домов, что я давно сбился со счёту. Если я их вообще считал.

Я сижу в придорожном кафе и жду своего заказа. Вы знаете такие кафе. Стандартная такая забегаловка (вернее бы назвать ее «заезжаловка»), каких много. Обычно они носят незамысловатые названия типа «Перекуси!», «Дорога», «Транзит», «Автостоп», «Минутка», а также «Маша», «Аня» или там «У Иваныча». Таких кафешек очень много на наших дорогах, уж поверьте мне, сам побывал в тысячах. Сказал бы точнее, если бы я их вообще считал. Их тысячи и тысячи: кафе, закусочные, пельменные, беляшны, шашлычные. Обычно тут работают люди из местных. Официантки в них ходят в красных, синих, зелёных передниках. Женщины средних лет. Меню в таких кафе состоит из пятидесяти-восемидесяти блюд, а в наличии имеются только десять-двенадцать. В зале стоит от пяти до десяти столиков, когда и меньше. В углу на кронштейне находится небольшой

телевизор, который не включают. Здесь играет какое-нибудь дорожное радио или что-то невнятное. На столе стоят зубочистки, в то время как на соседнем – соевый соус, а на третьем – перец или соль. Они редко стоят вместе, на одном столике, когда они тебе нужны. В таких кафе есть туалеты, но они не всегда работают, жидкое мыло на исходе, а туалетная бумага кончается дня за три до вашего прихода. Цены в таких кафе как в неплохом ресторане.

Я смотрю по сторонам, на сидящую в зале публику. В этом кафе, называемом «Рассвет», зал на шесть столиков. Разгар дня, и зал полон. Обычно в таких кафе завтракают, обедают или ужинают водители-дальнобойщики, семьи, едущие на море или к родственникам, те, кто едет в районный или областной центр за покупками или по делам, а также торговые представители и простые работяги, которым приходится постоянно быть в разъездах. Этот раз не стал исключением.

По левой стороне у входа сидят четверо водителей большегрузных фур. Одного из них зовут Лёней, и у него двое детей, на которых он платит алименты. Второй, Ваня, весь такой постоянно весёлый, переживает насчёт хорошенькой молодой жены, оставленной дома. Третий, пятидесятилетний Сергей Сергеевич, обеспокоен работой коробки передач, хотя сейчас он смеётся над Ваниными шутками. Последний, Тимур, ест борщ с недоваренной капустой и думает, не выплеснуть ли его в лицо повару. Вы спросите, откуда я это знаю?

Соседний столик на двоих, там сидят Надя и Антон, молодожёны, всего месяц назад расписавшиеся. Они едут на неделю к морю. Они сидят, шутят и мило улыбаются друг другу. Надя не знает, как начать разговор о том, что у неё начались задержки, ведь Антон этому явно не обрадуется. Антон рассказывает ей какой-то анекдот, который он позавчера услышал в весьма приватной обстановке от какой-то белокурой Тани. Вы спросите меня, откуда я это знаю?

Третий столик занимает молчаливая пожилая пара. Они едут с похорон матери Елены Ивановны, девяностотрёхлетней Марии Макаровны. Елена Ивановна рада тому, что мать её наконец-то отмучилась и, тем паче, не будет теперь мучить свою более старую сестру, с которой она прожила последние двадцать семь лет. Яков Петрович ест плов и радуется, что старая язва наконец-то отдала концы. Вы спросите, откуда я это знаю?

Два столика по правой стороне занимает женская студенческая команда по баскетболу из посёлка, что за триста двадцать километров отсюда. Шесть девчат в возрасте от восемнадцати до двадцати двух, а также водитель, Алексей Абрамович, и тренер, Алексей Викторович. Девчата бурно обсуждают предстоящую игру, и каждая из них мечтает затмить на поле остальных. Тренер разглядывает своих подопечных и размышляет, каковы они в постели. Водитель злится оттого, что ему надоела дорога и этот старый бабник. Вы спросите, откуда я это знаю?

Последний столик, в самом углу, занимаю я. Это моя привычка, садиться подальше от всех. Правда, не всегда помогает.

Ко мне подошла официантка Лена и принесла заказ. Расставляя тарелки, она держит во рту сигарету и явно мечтает о том, чтобы пепел упал в блюдо. Её вообще достала эта дурацкая работа, и она хочет уволиться, но её бездарный муженёк-увалень не прокормит семью один. Вы спросите, откуда я это знаю?

Вот вы когда-нибудь задавали себе вопросы насчёт того, о чём думают люди рядом с вами? Вот к примеру, о чём думает человек, с которым вы живёте? О чём думает продавец в магазине, отпуская вам товар? О чём думает сидящий рядом с вами в автобусе, кинотеатре, поезде, электричке или самолёте? Не знаете? А мне это известно.

Может быть, вы не поверите, но это так. Просто я умею читать чужие мысли. Любые мысли. Абсолютно любые. Назовите это «дар». Назовите это «телепатия». Назовите это как угодно. Может быть, это и дар. А, может, это проклятие. Не знаю, сам толком не определился.

Как это произошло, спросите вы? Как это я вдруг научился читать мысли других? Конечно, я бы мог рассказать невероятную историю о том, что меня укусил таракан, выведенный где-то в секретной подземной лаборатории. Или я попал под радиоактивный дождь. Или меня похитили инопланетяне и вшили передатчик. Вот только вы бы мне не поверили.

Вы бы засмеялись, а сами подумали бы, как бы поскорее уйти. Поверьте мне. Уж я-то знаю...

Мне было тринадцать, когда это случилось. Люди в этом возрасте вообще меняются, начинают переходить из детства в юность, в них происходят физиологические изменения и всё такое. У всех по-разному, но, в принципе, согласно учебника биологии за девятый класс.

Так вот, однажды утром я проснулся от сильного шума. Мы тогда жили в стандартной пятиэтажке: семьдесят пять квартир, почти триста душ. Я проснулся с таким ощущением, как будто нахожусь на вокзале. Вы когда-нибудь были на вокзале? Вот, представьте себе картину, что в зале ожидания сидит триста человек от младенцев до глубоких стариков, и все враз чего-то говорят. А вы ещё при этом слышите каждого в отдельности. Как она вам, эта картина?

Я проснулся оттого, что услышал разговор почти трёхсот человек одновременно. Но только это был не разговор. Это были мысли. Мысли не «читаешь», как читаешь книгу. Их «слышишь». Вот я и услышал тогда мысли такой огромной толпы. Мысли о жизни, о работе, о поломанных игрушках, о любимых девушках и парнях, о телевизоре, о власти, о родне и о ценах на колбасу.

Сначала меня это сильно напугало. Напугал этот постоянный шум в голове. Я вставал, ел, ходил в школу, гулял по улицам, сидел дома и ложился спать под постоянный гвалт сотен людей. Я ложился спать и молился, чтобы наут-

ро всё прошло, как проходит головная боль. Но нет, я проснулся и знал, о чём думают мои родители, соседи, жильцы в другом конце дома.

Вот вы помните тот фильм, где герой Мэла Гибсона научился читать мысли? Он ещё тогда обрадовался поначалу. Честно сказать, не понимаю я его...

Со временем я выяснил, что радиус моих... способностей, что ли... составляет почти пятьдесят метров. При желании можно соседний дом услышать. Со временем я научился этот радиус сокращать и блокировать «сигнал». В итоге моим пределом стали десять метров. Но тут уже никак ничего не заглушишь.

Потом я начал извлекать некую пользу из моих... умений. В школе я под недоумённые взгляды и соответствующие мысли просил учителей пересадить меня поближе. Так я мог ясно слышать мысли наших отличников и педагогов, что не раз помогало во время всяких там контрольных и самостоятельных. Кстати, а вы знаете, какая каша твориться у человека в голове, когда он решает квадратные уравнения или извлекает корни? А если он ещё при этом песню напевает?

В общем, очень скоро я из рядового отстающего ученика стал отличником. Учителя стали говорить что-то о новом методе педагогической работы. Настоящие отличники мне завидовали. Остальной класс меня ненавидел. Поверьте мне. Уж я-то знаю...

По причине того, что могу «слышать» то, что думают другие, я не смог ни с кем подружиться. Я узнавал всё о людях буквально за пару минут, и мне не о чем было с ними разговаривать. Мне не было с ними интересно. Дружба – это, всё-таки, познание друг друга в течение долгого времени.

Окончив школу, я аналогичным способом поступил в институт. Но там уже было не интересно. Например, я знал наперёд всё, что думает преподаватель. Лекции тоже можно было не писать: на экзамене всё можно было «услышать» от преподавателя и одногруппников.

Однажды мне это наскучило, и я просто ушёл. Ушёл подальше от людей и их мыслей. Думаете, приятно постоянно знать, что думают другие люди? Тем более, о вас. Нет? Вот поэтому я и ушёл бродить по стране.

Я просто выбирал направление – север, юг, запад, восток – и шёл туда. Без конечной цели, просто шёл, стараясь по возможности обходить города и сёла. Хотелось, знаете ли, тишины. Хотелось насладиться тишиной, как пели когда-то «Dereche Mode». Я просто шёл вдоль дороги, с рюкзаком на спине. Мимо проезжали машины, мотоциклы, грузовики и автобусы. И я постоянно «слышал», о чём думали эти люди. Одни думали об этой проклятой дороге, другие – о тех, кто сидел рядом с ними, третьи – вообще о какой-то незначительной ерунде, но такой важной для них в этот момент. Кто-то нелестно отзывался и обо мне. Водители и пешеходы – разные касты, которым никогда не понять друг друга.

Когда мне надоедало и это, я уходил вглубь лесов. Находил какое-нибудь тихое место у реки, разбивал там палатку и жил там неделями, наслаждаясь тишиной. Хорошо, что я ещё не могу «слышать» мысли белок и ежей. Вот Вы представляете, о чём думают белки?

Отдохнув, я снова выходил на дорогу и продолжал свой путь. Когда я нуждался в деньгах, мне приходилось заходить в города и сёла. Там я устраивался на какую-нибудь несложную с точки зрения знаний работу. Так, я был классным грузчиком, и не было никого, равного мне. Потому что я наперёд бригадира знал, куда и что поставить.

Конечно, я бы мог выбрать работу, достойную моих умений. Например, я бы мог прийти в любое отделение какой-нибудь федеральной службы. Мне бы не составило большого труда доказать тамошнему руководству, что я умею. И я бы мог ловить шпионов и легко выводить их на чистую воду. Ещё я мог бы работать в пограничной службе и отыскивать контрабандистов. Я мог бы работать простым автоинспектором и со стопроцентной гарантией определять нарушителей. Знаете, о чём думают люди, проезжая мимо постов ГИБДД? Особенно те, кто принял перед поездкой? Кстати, а вы знаете, какая каша твориться в голове у пьяного человека?

Да, я со своими умениями мог бы работать где угодно. Но есть две причины, чтобы этого не делать. Во-первых, мне эти мысли и так до ужаса надоели, чтоб ещё и на работе их

«слушать». Во-вторых, узнай кто-нибудь о моих способностях, тут же приехали бы ребята со скальпелями. В целях, так сказать, научных изысканий. Поверьте мне. Уж я-то знаю...

В общем, я путешествовал по стране. Когда я заходил достаточно далеко, и передо мной вставала преграда, будь то холодный Северно-Ледовитый океан, тёмное Охотское море, граница с Казахстаном или Украиной, я отправлялся в ближайший город и шёл на вокзал. Там я садился в поезд и ехал на другой конец страны, причём не обязательно в тот город, откуда я вышел. Это время было самым тяжёлым для меня, поскольку тут я постоянно был в окружении людей и их мыслей.

Доехав до какого-нибудь крупного города, я выбирал новый маршрут и вновь выдвигался в путь. И так постоянно. Не считая, конечно, зимы.

Зима наша плоха тем, что она есть. Зимой на природе не заночуешь. Поэтому зимы я проводил в городах. Я снимал себе домик где-нибудь на краю и начинал зарабатывать себе деньги на зиму и немного наперёд. Работал где-то на стройках, на складах, в доках. Как я уже говорил, грузчиком, по большей части. Но основной мой заработок состоял не в этом.

В крупных городах всегда найдутся любители азартных игр. И обязательно на деньги. Походив по городу, я довольно быстро находил места, где такие игры проводятся. Заводил знакомства, зная, как быстро понравиться людям. И, в ко-

нечном итоге, садился с ними за один карточный стол. Когда для вида проигрывал, но, естественно, больше брал верх. Потому что, конечно же, знал наперёд все ходы и поступки партнёров по игре. Кстати, а вы знаете, какая каша твориться в голове у человека, когда он играет в карты?

За зиму я собирал довольно неплохой капитал, подновлял своё походное обмундирование и, как только можно было спать на улице, отравлялся в путь, подальше от людей и их мыслей.

Снова и снова я выбирал новые маршруты, проходил их, садился в поезд и ехал далеко-далеко, где опять сочинял новый путь.

В основном, я хожу пешком. Изредка, когда сильно устаю, начинаю ловить попутки. Иногда я езжу в машинах с незнакомыми людьми, о которых узнаю всё буквально за пять минут, независимо оттого, хотят они того или нет. И независимо оттого, хочу ли этого я. Поэтому я не разговариваю с ними. Зачем, когда мне и так всё известно. Поэтому я, всё же, предпочитаю пеший способ передвижения.

По пути я захожу обедать в придорожные кафе. Вроде того, где я сейчас сижу. Кстати, у меня есть хорошее преимущество относительно того, в какие кафе заходить и что в них заказывать. Потому что я наперёд знаю, где и из чего что приготовлено, что не пригорело и что нормально посолено. Потому что это знает повар. И думает об этом.

Вот и сейчас я сижу в придорожном кафе где-то посере-

дине между городом А и городом Б, ем суп и слушаю музыку, играющую по радио. Стинг допел свою песню про что-то там хрупкое, и ди-джей объявил «Bee Gees». Повар Русланчик мысленно обматерил и ди-джея, и «голубых котов», которых тот поставил. Официантка Лена мысленно посмеялась над тем, как ненавидит повар этих самых «голубых котов», и начала напевать про себя «Staying Alive». Хотя песню, впрочем, включили другую.

К кафе подходит девушка. Я это знаю. Двадцати трех лет, зовут Юлей. Она путешествует автостопом. Через минуту звенит колокольчик над дверью, и входит она. Поскольку свободных мест больше нет, она сядет ко мне. Она как раз сейчас об этом подумала. Как и официантка Лена. Юля идёт по проходу, с рюкзаком на спине, кеды совсем стоптались, а джинсы внизу истёрлись до отдельно торчащих ниточек. Юля думает заказать борщ, картофельное пюре и котлету. Ну, может быть, кофе с молоком. Только наверняка он здесь из пакетика, думает она. Тренер Алексей Викторович бросает короткий взгляд на вошедшую девушку, и в голове его вновь мелькает пошленькая мыслишка. Юля, словно угадав его намерения, косится на тренера и с усмешкою идёт дальше. Юля садится за мой столик, ставит свой рюкзак рядом с моим, бросает на меня короткий взгляд и тянет к себе меню. Недовольная официантка Лена незаметно появляется рядом. Юля просит у неё борщ. Конечно, добавляет про себя Лена, он же сегодня с недоваренной капустой. Юля косится

на мою тарелку с супом с фрикадельками и, передумав, просит его. И картошку с котлеткой, добавляет она. Лена спрашивает, будет ли девушка кофе, чай, сок или компот. Юля отказывается от идеи с кофе и просит апельсинового сока. Лена быстро всё записывает в блокнотик, тут же подсчитывает сумму и, оторвав бумажку, кладёт её на стол и удаляется.

По радио включили старую запись: Синатра запел про незнакомцев в ночи. Забавно, подумала Юля. Забавно, подумал я. А в голове какое-то эхо. В ожидании заказа Юля начинает смотреть по сторонам. Я доедаю второе и украдкой смотрю на девушку. Вроде бы ничего особенного, а что-то в ней есть интересное. Может быть, потому что она путешествует пешком. Как я. Она постоянно в пути, она постоянно сторонится людей. Прямо как я. Рассматривая её, я снова замечаю, что мысли мои отдаются в голове эхом. Раньше такого не было, думаю я. Юля смотрит по сторонам и почему-то улыбается. Но что-то в ней есть, я чувствую это.

В это время официантка Лена приносит заказ. Расставляя тарелки, она опять мечтает, чтобы пепел упал в суп. Юля, странно улыбаясь, отдаёт Лене деньги, и та уходит. А Юля ставит руки на стол, подпирает ими голову и смотрит прямо на меня.

Забавно, думаю я, что же она такое разглядывает. Тебя, думает Юля. И тут меня как будто током ударяет. Не может этого быть, думаю я, и мысли опять звучат как эхо. Сама

удивляюсь, думает Юля и улыбается. Ты давно, думает Юля. Пятнадцать лет, думаю я и понимаю, что эхо в моей голове – это мои мысли, прочтённые Юлей, после чего прочтённые уже мной. А я десять, думает Юля. Кстати, добавляет она, у меня тоже эхо, так что не пугайся. Ты тоже постоянно ходишь по дорогам, мысленно спрашивает она и кивает в сторону рюкзака. Да, мысленно отвечаю я, из года в год. Ага, кивает она, из года в год. Подальше от людей и их мыслей, думает она, и я невольно улыбаюсь. Она тоже.

По радио Майкл Джексон запел о том, что я не одинок. А я сижу и понимаю, что передо мной та, кого я искал в течение стольких лет. Единственный человек, который меня понимает, родная душа. Вот только интересно, думаю я, как смогут ужиться два человека, которые могут постоянно читать мысли друг друга. Смогут ужиться, думает Юля. И им даже не обязательно общаться. В привычном значении этого слова.

Скоро Юля доест, выйдет и пойдёт дальше. А я пойду за ней. И мы будем путешествовать вместе, подальше от людей и их мыслей. Долго-долго. Поверьте мне. Уж я-то знаю...

16—17 августа 2010

Последний визит

Страшно всё это! Очень!

Ну я ещё понимаю, когда взрослых хоронят. Или пожилых. Ну, вроде как осознаёшь, что человек своё отжил, что время его пришло. Так, что ли. Жалко, конечно, когда человека хоронят. Любого человека. Но вот когда молодых хоронят... Нет, это не по мне. Не могу я этого выносить.

Вот как это случилось, не пойму. Жила себе Вероника, вреда никому не причинила, любили её все. А вот на тебе – стоит гроб у подъезда, венками уставлен со всех сторон. Родня собралась. Брата с учебки отпустили. Мы с группой пришли. Девчонки с хореографии. Зеваки со двора.

Веронику многие у нас знали. Она с детства яркая была. Весь двор наш её такой и помнит: вечно бегом, банты на ветру треплются, рот до ушей. И в школе она у нас заводилой была постоянно. Что где не случись, она всегда рядом была. А потом группу сама сколотила, танцевать начали. Место искала, учителя. Всё она сделала.

А вот на тебе – гроб на двух табуретках. Мать Вероникину жалко очень, Любовь Павловну. Убивалась она сильно, трое здоровых мужиков не могли оттащить от гроба, как время подошло. Ветер ещё сильный поднялся, снегом так и кидал в нас. Продрогли все до ужаса. Словно сама природа против этой проклятой смерти. Страшно всё это!

Когда у нас был выпускной класс, это Вероника всех уговорила в один институт поступать. Так, говорит, нам сподручней будет. Дома, говорила, все останемся, да и жить дружно будем, как и раньше. Так и вышло. Как дружили классом, так почти все вместе и поступили на вышку. На разные специальности, конечно, но все рядом. Да наша группа на треть из класса нашего же и состоит. Всегда и везде вместе: в кино, на природе, в походах, на экскурсиях. И всё это – благодаря Веронике.

А вот на тебе – гроб заколотили и стали опускать в землю холодную. Ветер ещё сильнее поднялся. Любовь Павловну на «скорой» увезли сразу после этого. Приступ. А мы разошлись кто куда. Кинули землю и пошли. Веронику мы так и не увидели: её хоронили в закрытом гробу.

Я не иду на поминки. Тяжело всё это. Страшно всё это. Домой иду. По дороге всё Веронику вспоминаю. Как мы ещё с садика с ней не разлей вода были. И во дворе одном жили. И в школу вместе пошли. И каждое утро на одном автобусе в институту. А у Вероники ещё манера была: увидит кого-нибудь в автобусе и давай его пародировать да истории про него рассказывать. Прямо на ходу сочиняла. Весёлая она была.

Когда я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, у меня в кармане вибрирует телефон. Смс-ка пришла. Я достаю мобильник и читаю послание. Это просто оповещение о том, что мне написали новое сообщение в одной из социальных сетей. Ничего важного. В такие моменты сразу понимаешь,

что на свете действительно важно, а что является незначительной мелочью, ещё вчера казавшейся чем-то грандиозным и заслуживающим внимания. Марки, бренды, мода, ужин в суши-баре, наличие сенсорного экрана в телефоне, голая грудь популярной актрисы, кличка кота президента – всё это, по сути, не нужно и никчёмно. Куда важнее люди, которые находятся рядом с тобой. Куда важнее то, что они живы и здоровы. Вот плохо только, что понимать это приходится именно в такие моменты.

С этими мыслями я захожу в пустую тёмную квартиру. Родители ещё на работе. Сосед за стеной снова пьянствует. У него во всю орёт музыка. Судя по басам, Скорпы.

Я хожу в темноте, не включая свет, молча раздеваюсь. Прохожу в свою комнату, сажусь в кресло у компьютерного стола. За окном уже стемнело, и лишь слабый свет от уличных фонарей разглядеть очертания предметов. Над тёмным монитором в двадцать семь дюймов (ходили покупать с вместе Вероникой), на стене, украшенной, по старому обычаю, ковром, видны множество рамок с фотографиями. Я знаю эти фото наизусть. Вот здесь, на этом еле видимом прямоугольнике, Вероника у фонтана, в лёгком цветастом платье, с мороженым, капающим на колени. Она заливалась звонким смехом и говорила, что капли жутко холодные, а я всё никак не сделаю снимок. А тут мы сняты всей группой. Вероника предложила всем взъерошить волосы и покрыть их лаком. А потом мы все вместе пошли гулять по городу, сры-

вая цветы и даря их проходим. А на этом снимке, двадцать на тридцать, мы с Вероникой у дверей школы, с аттестатами в руках. На Веронике огромное синее платье на кольцах, с перчатками, обтягивающими тонкие пальчики. На мне чёрный костюм с белой рубашкой. Тот самый костюм, в котором ходил сегодня на похороны.

Я продолжаю сидеть в темноте и перевожу взгляд с одной фотографии на другую. Тёмные прямоугольники на ковре. Моменты счастья и радости, оставшиеся там, в вечности.

У соседа за стеной орёт музыка. Судя по басам, Красные чилийские перцы.

Спустя какое-то время я протягиваю ногу и большим пальцем запускаю компьютер. Шум от вентиляторов и писки модема почти не слышны из грохота у соседа-алкоголика. Музыка, за которую ему уже неоднократно разбивали нос и губы. Музыка, из-за которой у него постоянно торчат спички в замочной скважине. Музыка, из-за которой ему в окна постоянно летят камни.

Компьютер загружается, и на экране высвечивается заставка. Вероника, лежащая среди жёлтых, только появившихся одуванчиков. Это её традиционное ежегодное фото. Все эти снимки делал я. Её личный фотограф.

Было ли что-то между нами? Хотел бы я, чтобы это было правдой. Но нет. Для Вероники я был лишь другом. Друг детства. Потом друг юности. Друг всей её недолгой жизни.

Я запускаю Интернет. Там автоматически открывается

страница с той самой социальной сетью, на которую мне пришло сообщение. Пока страничка грузится, я открываю папку с фотографиями Вероники. Снимками, сделанными мной. Фото с походов. Фото на учёбе. Фото с пляжа. Фото в ночных клубах. И везде Вероника, что-то опять придумывает и радует всех присутствующих, заряжает всех позитивом.

Страница загрузилась. Весёлый интерфейс сообщает мне, что у меня было шесть гостей, мне поставили двадцать восемь оценок и одиннадцать раз прокомментировали мой блог. Виртуальная жизнь. Искусственная жизнь. Бегство от реальности. Сотни друзей, которым никогда не напишешь сообщение. Тысячи фотографий, которые никогда не посмотришь. Записи, которые кто-то считает очень умными и постоянно их обсуждает. Эта жизнь проще настоящей. Эту всегда можно начать заново, просто заведя новый аккаунт.

У меня одно новое сообщение. Я нажимаю на конвертик, окно ненадолго повисает, а потом из белого появляются три слова.

«Привет, как дела?».

Сообщение написано Вероникой. Сердце на мгновение замирает, но потом с шумом выдыхаю. Просто она отправила его ещё до... до своей смерти. А я с того момента ещё ни разу не был в сети. Не до того было.

«Привет, как дела?».

Она спросила меня, как мне живётся. Вопрос из прошлого, на который нет ответа в настоящем. Как у меня дела?

Не сказать, что хорошо, Вероника.

Нет смысла отвечать на послание. Его никто уже не прочтёт. Теперь страничка Вероники – просто ещё один аккаунт в глубинах Интернета, оставшийся без хозяина.

Я вожу мышкой по экрану. При наведении указателя на имя оно подсвечивается. Ссылка на страничку Вероники. Что ж, зайду. В последний раз.

Здесь всё как обычно. Улыбающаяся Вероника смотрит на меня с экрана. Она стоит среди усыпанных снегом еловых ветвей. Я сделал этот снимок три недели назад. Рядом с фотографией её извечный статус:

«Во всём можно найти позитив».

Теперь мне кажется, что не во всём. А ведь когда-то я был с ней согласен.

У соседа за стеной орёт музыка. Судя по басам, Курт Кобейн.

Я смотрю на улыбающуюся Веронику, на её жизнерадостный статус. Опускаю глаза и читаю:

«Последний визит: сегодня, пятнадцать минут назад».

У меня холодеет спина. Невозможно!

Я сижу в тёмной комнате, освещённой лишь монитором и слабым отблеском фонарей, медленно покрываясь мурашками. Но ведь это невозможно.

Потом я понимаю, в чём тут дело. Просто кто-то из её родных, может, брат Никита, которого отпустили с учёбки, запустил Интернет, а страничка грузится автоматически, как

и у меня. Вот тебе и «последний визит». И нет причин для паники. Я выдыхаю и закрываю окно. Выключаю компьютер и снова сижу в темноте.

У соседа за стеной орёт музыка. Судя по басам, финские виолончелисты.

И тут меня снова сковывает холодом. Смс-ка о новом сообщении пришла в тот момент, когда я поднимался по лестнице. Не несколько дней назад, а меньше, чем полчаса назад.

«Последний визит: сегодня, пятнадцать минут назад».

Вот когда было написано сообщение. Не вчера, не на той неделе, а сегодня. Пятнадцать минут назад.

Я снова запускаю компьютер и с нетерпением жду загрузки.

Музыка за стеной давит на нервы.

Я задумываюсь. Что это? Чья-то глупая шутка? Не смешно, честное слово. Мог ли кто войти на страничку Вероники и воспользоваться этим? Навряд ли. Её пароль в двадцать девять символов известен только двоим. Теперь уже только мне одному. Взлом по этой причине тоже маловероятен. Тогда что остаётся? Кто-то из её домашних вошёл на страничку Вероники и решил написать мне сообщение от её имени? Нет. Зачем?

Выхожу в сеть. Захожу на страничку Вероники.

«Последний визит: сегодня, пятнадцать минут назад».

По-моему, похороны сказались на мне не самым лучшим образом. Надо лечь спать. Отойду, успокоюсь, начну здраво

мыслить. Завтра. А сегодня со мной явно что-то не то...

...Захожу в подъезд не в лучшем расположении духа. День был тяжёлый. В группе напряжённое молчание. Никто ни с кем не разговаривает. Преподаватели сегодня тоже на нервах. Все переживают из-за Вероники. Но им проще. А мне час назад пришла смс-ка. У меня одно новое сообщение. Честно говоря, ни капли не хочется выходить в сеть. Кажется, что разум решил меня оставить. Разум вздумал играть со мной игры. Сколько людей свихнулось в подобных ситуациях. Не хочу присоединяться к ним.

В квартире тишина, лишь только лёгкое сопение из спальни родителей. Отец отсыпается после смены. Он работает охранником в магазине неподалёку. Мать работает там же, товароведом.

Сосед за стеной ещё не проснулся. Он раньше трёх никогда не встаёт. Так что есть возможность посидеть в тишине.

Пройдя в комнату, я раздеваюсь и краем глаза смотрю на монитор, стоящий на столе. Кажется, он тянет к себе. Хочет, чтобы я подошёл и включил компьютер. Хочет, чтобы я прочёл сообщение. Возможно, это сообщение от кого-нибудь другого, успокаиваю я себя. Мало ли кто мог что-нибудь написать. Может, просто очередная реклама. Или какой-нибудь затерявшийся на просторах Родины одноклассник. Или отцовский сослуживец. Или подруга юности матери. Трёхглазое нечто из другой Галактики. Кто угодно, но только

не Вероника. Она умерла. Её похоронили вчера днём. И я сам это видел. Так из-за чего так переживать?

Прохожу на кухню и ставлю чайник на плиту. Сажу за столом. Над головой мерно стучит маятник часов. Шипят капли воды на чайнике. Гудит холодильник за спиной. Тишина.

И тут раздаётся ещё один звук. Глухой. Это в кармане пуховика вибрирует телефон. Пришла смс-ка. Я медленно, словно ожидая нападения, подхожу к вешалке и достаю трубку. Читаю послание. Мне пришло ещё одно сообщение. По рукам пробегают мурашки.

На кухне резко засвистел чайник. Я иду туда и выключаю плитку. Слышу, как ворочается отец в спальне. Снова смотрю на телефон в руке. Зачем я вообще подключил эти оповещения, чёрт возьми?!

Сажусь пить чай. Держу в руках остывающую кружку, из которой так и не пил, и смотрю на телефон. Мне кажется, что если сейчас придёт ещё одно сообщение, я разобью мобильник об стену. Не знаю, сколько времени провожу так, не отрывая взгляда от трубки.

За стеной раздаются первые громкие аккорды. Судя по ударным, Горшок с Князем.

Чтобы отвлечься немного, думаю о нашем соседе. Что мне о нём известно? Только то, что когда-то он пытался сколотить свою рок-группу. Целыми днями брэнчал на гитаре, что-то придумывал, сочинял. Потом стали приходить разные единомышленники. То басист появится, то ударник, то пи-

анист. Однажды какой-то парнишка даже с колокольчиком пришёл. Потом всё как-то зачало. Его друзья перестали появляться, и он остался совсем один. А потом он запил. Жёстко. Бросил учёбу, работу. Всех бросил. На что он пьёт, представления не имею. Он из дома-то не выходит. Сидит и глушит под громкую музыку. Вот такой он, человек с несбывшейся мечтой.

На кухню заглядывает отец. Подмигивая мне, проходит к холодильнику, достаёт оттуда бутерброды. Наливая чай, беспрестанно материт соседа. Затем уходит в мою комнату, заглянуть в Интернет. Это у него ритуал такой: бутерброд, чай и социальная сеть. А я так и сижу на кухне, с кружкой в руках и телефоном на столе.

Музыка за стеной продолжает играть. Судя по ударным, Кипелов.

Отец кричит из комнаты, что мне пришли два сообщения. Я отвечаю, что проверю позже. Отец начинает подпевать музыке за стеной. А я всё смотрю на телефон...

...Ещё один неудавшийся день. В группе всё такая же тишина. Кажется, что весь университет стал другим. Словно все в одночасье лишилось всего самого важного в своей жизни. Только мне немного завидно. Им-то проще. А мне в полпервого снова пришла смс-ка. Тем более, вчера я так и не проверил, что же мне пришло.

И вот теперь я стою перед компьютером и борюсь сам с со-

бой. Часть меня хочет прочесть всё это, убедиться, что опасения были напрасными, и успокоиться. Другая же часть боится того, что я могу там увидеть.

Сосед за стеной слушает музыку. Судя по вокалу, Квинов.

Покойной Фредди говорит всем, что его просто так не возьмёшь. Что ж, думаю я, меня тоже не проведёшь. И запускаю компьютер.

Глядя на заставку с Вероникой в одуванчиках, думаю, что надо бы заменить картинку на рабочем столе. А сам в это время захожу в сеть.

Три новых сообщения. И один гость. Сначала щёлкаю на ссылку с визитёрами. По спине снова прокатывается холод. Ко мне заходила Вероника. Сегодня, в двенадцать двадцать три. Ослабшей рукой передвигаю мышку и нажимаю на конвертик. Все три сообщения от Вероники. Читаю их в том порядке, в каком они и приходили.

В первом сообщении написано:

«Ну ты где там?»

Во втором сообщении написано:

«Эй? Есть там кто-нибудь, в конце концов?»

В третьем сообщении написано:

«Может, всё-таки, ответишь?»

Я ошарашено смотрю на монитор. Как это может быть? Неужели кто-то вздумал шутить надо мной таким образом?

Иду в прихожую, достаю из кармана телефон, набираю номер отца Вероники. Конечно, это не лучший момент для

звонка, но у меня нет выбора. И сил тоже.

Сосед за стеной слушает музыку. Судя по вокалу, Мика Джаггера.

Григорий Аркадьевич отвечает не сразу. Я его понимаю. Обменявшись парой фраз, я спрашиваю, всё ли в порядке с их компьютером. Он отвечает, что жалоб нет. Тогда я спрашиваю его, что хотел бы узнать кое-что о страничке Веронике на том сайте. Я говорю, что мне нужна кое-какая информация оттуда. Я говорю, что мы с группой готовим ролик в её честь, и нам нужны материалы со странички. А Григорий Аркадьевич отвечает мне, что это не получится. Никита удалил страничку Вероники пять дней назад.

Телефон падает у меня из рук...

...Снова тяжелый день. Нет, в группе всё нормально, все потихоньку свыклись с мыслью о том, что самой яркой девчонки университета уже нет с нами. Всем стало немного легче. Но не мне. В одиннадцать часов мне пришло новое оповещение.

Вчера я всю ночь не спал. Так и не ответил на те три сообщения. Послания, присланные со странички, которой не существует уже почти неделю. Я не задумываюсь о том, как это возможно. Не хочу усугублять проблемы. Я решаю удалить свой аккаунт. Надеюсь, это поможет. Именно поэтому я сейчас запускаю компьютер.

В квартире никого: мать на работе, отец с мужиками ушёл

париться в баню.

За стеной снова орёт музыка. Судя по гитарной партии, Мэнсон.

Моя страничка загружается. Я так и сижу в одежде. Решил сделать всё сразу, без раздумий.

Направляю указатель на пункт «Настройки». Сейчас я нажму там кнопку «Удалить профиль», и всё это будет закончено. Вероника теперь навсегда останется в истории.

Но глаза мои смотрят на мигающий конвертик. Непрочитанное сообщение. Я сомневаюсь, стоит ли читать то, что там написано. Я поднимаю голову и смотрю на фотографии на ковре. Вот Вероника сидит верхом на коне. Она прижалась к шее своей любимой Аськи, зарывшись лицом в густую гриву. А здесь Вероника моет машину отца. На ней нелепые разношенные трико с лямками, старая блузка, завязанная узлом на животе, и огромная соломенная шляпа. Она обещала побить меня за этот снимок. Шутила, конечно же. А на этом фото мы с Вероникой сидим на песке, на берегу моря. Обернулись и смотрим в камеру, а между нами солнце уходит за горизонт, окрашивая небо во всевозможные оттенки жёлтого, красного, пурпура. На мне чёрные мокрые шорты. На ней голубой купальник и парео на бёдрах. Намокший песок вокруг нас.

Вероника смотрит на меня со всех этих снимков и, кажется, просит о том, чтобы я прочитал её сообщение. Шумно выдыхаю и жму на конвертик. Появляется текст:

«Ладно, не хочешь отвечать, не надо! Но скажи хотя бы, зачем ты это сделал?»

Рядом с её именем зелёным светятся два слова: «На сайте».

Я снова и снова перечитываю послание. Она просит сказать, зачем я это сделал. Что «это»? Что она имела в виду?

Я жму на кнопку «Ответить» и печатаю:

«Что „это“? О чём ты говоришь?»

После этого смотрю на экран. Надпись «На сайте» мерцает передо мной. Как, чёрт возьми, это возможно? Спустя десять секунд рядом с её именем появляется символ карандаша. Она пишет ответ.

За стеной снова орёт музыка. Судя по гитарной партии, Джон Фогерти.

Карандашик исчезает, и передо мной появляется новое сообщение:

«Ты и сам знаешь, о чём я говорю!»

«Видимо, нет. Объясни» – печатаю в ответ.

Снова появляется карандашик. Мне ужасно хочется, чтобы сосед за стеной вырубил эту проклятую музыку. Она мешает и не даёт сосредоточиться. А сейчас мне это нужно как никогда.

Появляется сообщение:

«Просто вспомни день, когда мы пошли на стройку».

На экране опять появляется карандашик, а я за это время вспоминаю то, что случилось две недели назад. Воспомина-

ния, от которых так хотел избавиться.

Вероника предложила мне взять фотоаппарат и устроить очередную фотосессию. Я согласился – это был отличный шанс неплохо провести выходные. Вероника предложила пойти куда-нибудь на стройку. Она хотела сделать фотографии в постапокалиптическом стиле. Предложил поехать на заброшенную стройку на окраине города: полуразрушенное недостроенное здание, окружённое голыми деревьями, и никого вокруг. Мы сели на автобус и поехали фотографироваться. На месте решили подняться на пятый этаж: оттуда и вид был хороший, да и мешать никто не будет, если вдруг забредёт невзначай. Там и стали фотографироваться.

Уже не помню, с чего начался этот разговор. Такое свойственно людям: начинаю говорить об одном, а потом переходят совсем к другому. И как это случается, вспомнить потом проблематично. Нужно, так сказать, отслеживать всю логическую цепочку. Так или иначе, мы заговорили о наших отношениях. Я сказал, что хочу понять, что же, всё-таки, между нами происходит. Она сказала, что всё это называется дружбой. Мало кто верит в дружбу между мужчиной и женщиной, сказала она, но такое бывает. Хотя, чаще всего, один из них, в итоге, начинает хотеть большего. Я сказал, что так оно и есть. Что действительно хочу развития наших отношений. Это стоило мне большого труда: сказать всё это. Вероника же в ответ засмеялась и назвала меня глупышкой. Давай будем считать, что этого разговора не было, сказала она.

Ты хороший, но это не то, сказала она.

Не знаю, как случилось остальное. Я понимаю, что надо было среагировать на это всё куда спокойнее. Может быть, даже посмеяться вместе с ней над всей этой ситуацией. Но не сделал этого. Вместо этого я резко поднял с пола кирпич и с размаху ударил им Веронику по лицу, сверху вниз. Она закричала и закрыла лицо руками. А я повторил удар, снизу вверх. Она снова вскрикнула и сделала шаг назад. Потом ещё один. А потом она сорвалась вниз. Прямо на груды битых кирпичей. А я сбежал.

Вечером мне позвонила мать Вероники. Спросила, не знаю ли я, где её дочь. Ответил, что мы целый день гуляли по городу, а потом разошлись по домам. Сказал, что проводил её до подъезда. И больше не видел. И не звонил тоже.

А через три дня объявили поиск. Объявления в газетах, новостях. Розыски в подвалах, заброшенных стройках. Так её и нашли, на куче кирпичей, слегка занесённую снегом. Позже ко мне приходил следователь. Хотел, чтобы я поминутно рассказал ему, что было в тот день. Повторяю ему то же, что говорил матери Вероники, слово в слово. Я так старался забыть этот день, что потихоньку сам начал верить в свою версию. По этой же причине даже не мог вспомнить, почему хоронили в закрытом гробу.

Я смотрю на экран. Там светится новое сообщение:

«Ну что, вспомнил?»

«Да».

На экране появляется и исчезает карандашик. Приходит ещё одно сообщение:

«Тогда, я думаю, ты знаешь, что нужно сделать!»

Да, я знаю, что теперь должен сделать.

Я выключаю компьютер и иду в комнату родителей.

За стеной снова орёт музыка. Судя по гитарной партии, Джим Моррисон с компанией.

«Это конец, мой единственный друг» – доносится из-за стены.

Открываю шкаф. На вешалке, среди костюмов отца и платьев матери, висит кожаная кобура. Расстегиваю её и достаю оттуда пистолет. После чего иду в свою комнату.

Сажусь на диван. Снимаю оружие с предохранителя. Вставляю дуло в рот. Смотрю на фотографии на ковре. Смотрю на памятные моменты жизни дорогого мне человека. Жизни, которую я старался сделать лучше. Жизни, которую я оборвал.

Музыка за стеной резко стихает. В одно мгновение становится невероятно тихо.

В кармане моей куртки вибрирует телефон. Ещё одна смска. Я знаю, что это. Ещё одно сообщение от Вероники. Но это уже не важно. Теперь уже ничто не важно.

Я делаю то, что должен сделать. Я нажимаю на спуск.

10—19 мая 2011

Следы

Наш «УАЗик» кидало на ухабах из стороны в сторону. С большим трудом мы преодолевали огромные ямы, полные воды и грязи, а также упавшие стволы деревьев.

– Вообще, тут ездят только тягачи да лесовозы, – сказал нам водитель Павлик, парень лет двадцати. – Нашей машинке здесь, конечно, тяжело!

– Это мы заметили, – ответил я и посмотрел на сидящего рядом Костю Митрохина. Тот, казалось, начинал зеленеть. – Ты в порядке? – повернулся к нему. – Вид у тебя не очень, надо сказать.

– Да, это, нормально я, – ответил Костя, но как-то натужно сглотнул.

– Так объясни мне, – решил отвлечь его разговором, – что же там такого случилось, что вы меня выдернули из отпуска и потащили в лес к самым холодам? Кустицкий мне по телефону что-то там вскользь объяснил, но его ж без переводчика не поймёшь.

– А, Иван Сергеич с тобой уже связался, – спросил Костя и тут же улыбнулся. – А, ну да, он у нас конспиратор – будь здоров! Как ещё он умудрился жениться при его-то манере разговаривать, никогда не пойму.

Павлик хохотнул за рулём, затем одной рукой достал сигарету из пачки в нагрудном кармане и попытался прикурить,

несмотря на бешеные скачки «УАЗика». Мимо нас с шумом прополз огромный груженный лесовоз.

– Сергеич и мне не особо много рассказал, – продолжил Костя. – Говорит, что там у лесников проблемы какие-то. Помните, там у нас собрались ветку газопровода тянуть. Так у них там что-то случилось.

– Они и сейчас там? – удивился я. – Ведь не сегодня-завтра снег выпадет, а они там?

– Да у них же план летит, вот и нагоняют, пока есть время, – ответил Костя и слегка приоткрыл треугольную форточку.

– А что случилось-то? – не оглядываясь, спросил Павлик и стряхнул пепел в окошко.

– Кто б знал, это ж Кустицкий! – многозначительно ответил Костя и прильнул к форточке и льющемуся в неё морозному воздуху.

Минут через десять впереди замаячили первые просветы. Справа и слева попадались полупустые лесовозы, погрузчики, самосвалы со щебнем. Вокруг сновали люди в тёплой одежде и строительных касках.

Мы подъехали к посёлку, состоящему из полутора десятков вагончиков на колёсах. Вагончики стояли полукругом, в центре которого находилась огромная лужа жидкой, но подмерзающей грязи. У крыльца одного из вагончиков стояли Кустицкий и ещё трое с ним.

Павлик остановил «УАЗик» рядом с ними, и мы выскочи-

ли в грязь. Благо, с моей стороны её было не много – поближе к вагончикам насыпали щебня. А Костя, судя по звуку, влез хорошо.

– А, это самое, приветствую! – воскликнул Кустицкий и пошёл ко мне навстречу. Один из его компаньонов тем временем сел в «УАЗик», и Павлик стронулся с места. Я оглянулся: Костины сапоги были в грязи почти до самого верха.

«Зато зелень с лица сошла», – улыбнулся я про себя.

– Мы, это самое... уже, это... не надеялись, на... что вы вообще, того... приедете сегодня, – начал Кустицкий, протягивая руку. – Дело, мать... серьёзное, а, нам, на... надо в нём, это самое... разобраться поскорее, растудить!

Я глянул на Костю, тот только пожал плечами: Кустицкий, и всё тут.

– Позвольте, это, на... представлю, вас, мать! Это, – показал он на полного черноволосого мужчину в тёплом жилете и с портфелем в руках, – Андрей Антонович, он, того... главный инженер участка, – я пожал его мягкую руку. – А это, мать... Коля, бригадир, – то был огромного роста здоровый мужик.

– Здравьете! – сказал я. – Ну-с, господа, расскажите, что у вас тут произошло?

Подошёл Костя, и Кустицкий представил его местному начальству.

– Николай Семёнович, вы объясните? – властно спросил у бригадира инженер. – А то мне ещё нужно бригаду Саморя-

дова проверить, – после этих слов он поправил пояс на тёплых брюках и пошёл по грязи куда-то в сторону леса, где вдали шумели двигатели.

– Никогда ничего сам не делает, – сплюнул бригадир и закурил. – Сигарету? – предложил он остальным. Костя взял и довольно затаился. – Сколько его знаю, всё время такой – сказал и свалил. Уже третий год под его началом, тьфу! – бригадир снова сплюнул.

– Так что там у вас? – спросил я бригадира. – Надеюсь, меня не зазря дёрнули с отпуска? – я повернулся к Кустицкому. – А ты, Сергеич, чего же? Опять район тянешь к себе! Когда уже сам будешь работать?

– Да я, это самое, того...

– Пойдёмте, я вам покажу, – жестом пригласил нас бригадир. – Нам туда. – Мы неспешно пошли, обходя лужи. – Позавчера мужики наши на седьмом участке отработали день, да под конец смены дождь начался. Ну, они инструмент-то побросали, собирались потом убрать. А вчера устроили выходной себе, естественно, никто на участок не пошёл. В общем, инструмент почти два дня пролежал под открытым небом, – бригадир бросил окурочек в лужу, и тот шумно зашипел. – А сегодня вышли мужики на работу, ну и, как бы помягче-то, удивились весьма.

– И что же? – спросил я. – Украли всё, что ли, местные?

– Да хрен бы с ним, если бы украли! – ответил бригадир, обходя очередную лужу. – Хуже. Весь инструмент был сло-

ман. Напрочь!

Мы обошли увязший в грязи экскаватор и увидели просеку неподалёку. На ней было множество пней и... чего-то ещё. Мы подошли ближе. Оказалось, что площадка была завалена искорёженным инструментом: бензопилы, топоры, ещё что-то.

– Местные, что ли, баловались? – спросил я Кустицкого.

– А оно, это самое... если бы! До Абрамовки, на... почти семьдесят километров. Тут, мать... никого и нет рядом, в коромысло!

– Ну, мы Сергеича-то вызвали, – продолжил бригадир. – Он приехал, осмотрел всё и протокольчик оформил, – при этом Кустицкий пару раз кивнул. – Да только мы вот чего нашли-то, там вон, – бригадир указал в сторону, где было много грязи.

– Ага, мать... по вашей части!

Мы прошли вперёд и остановились.

– Хорошо, что подмёрзло всё, – сказал бригадир. – Они и застыли по форме.

В грязи были следы. Цепочка следов, тянущаяся со стороны леса к просеке. Это были следы от босых ног. Человеческих ног. Если так можно выразиться...

– Измерял? – спросил я Кустицкого. – Сколько?

– Сорок семь сантиметров с четвертью, – ответил Сергеич, даже ничего лишнего не сказав.

Мы с Костей присвистнули.

– Это ж какой размер-то, а? – спросил Костя.

– Да охренеть размер! – сказал бригадир и опустился на корточках. Я тоже присел у следов напротив.

– Видите, – сказал Кустицкий. – Они, на... как у человека, но не такие, это самое...

– В смысле? – спросил Костя и начал рыться в своей сумке на боку.

– Большой палец сильно отставлен в сторону, – ответил я, и Кустицкий кивнул. – Не как у человека, а как у обезьяны.

Костя достал фотоаппарат и рулетку. Я снова измерил следы, Костя фотографировал.

– Заметьте, – сказал я. – Правая нога длинней почти на два сантиметра. Она чуть больше сорока девяти.

– И, это самое... о чём это, на... говорит? – спросил Кустицкий, с интересом глядя на нас с Костей.

– А о чём, по-твоему, вообще говорят эти следы?

Кустицкий замаялся с ответом, зато бригадир отреагировал живо:

– Ну так это, наверное, он, ну, про него ж ещё по телику говорили. Снежный человек. Это он, ведь так?

Я, не вставая с корточек, весело глянул на них снизу.

– Неужели вы и вправду в это верите? – сказал я, сматывая рулетку. – Нет, мужики, серьёзно? – я встал и осмотрелся по сторонам. – Неужели вы думаете, что огромного роста обезьяна с трёхсотым размером ноги вышла из лесу и поломала ваши инструменты?

Кустицкий и бригадир переглянулись и как-то неуверенно кивнули.

– А кто ж тогда? – спросил бригадир и полез в карман за пачкой сигарет.

– Ответ, ребяташки, может быть один, и он – ответ реалиста: это творение человеческих рук. Уж не знаю, конкуренты ли это сделали или горстка подростков из соседней деревни, но это сделано человеком. Ибо это – сознательный поступок разумного существа, если мы говорим о конкурентах, или якобы разумного, если мы говорим о хулиганах.

– А следы? – спросил Кустицкий. – Они же, мать... настоящие.

– Следы, согласен, настоящие, – ответил я, и Сергеич как-то совсем растерялся. – Вот вы слышали про поля на кругах? Ну, которые якобы оставляют пришельцы, – мужики кивнули. – А потом всегда находится какой-нибудь ловкач, который показывает, как и чем он сделал такой рисунок на поле. Так вот, ребяташки, здесь – то же самое. Вероятно, какой-то юнец с буйством гормонов на лице взял две доски и выпилил из них большие плоские стопы с пальцами. Причём сделал так, не особо стараясь – об этом говорит разная длина правой и левой ступней. Потом наш герой приделал эти «стопы» к своей обуви и прошёлся по самому грязному месту, чтобы остались отчётливые следы. Ну, а затем он сломал инвентарь. А сейчас он сидит дома и ждёт горячих новостей, своей славы, так сказать. Или же запрятался сейчас метрах

в пятистах от нас и давится смехом, глядя на дурачков-детективов, клюнувших на его розыгрыш, – при этих словах я заметил, что Кустицкий стал озираться по сторонам.

– Но, слушай, – перебил меня бригадир, – ведь до ближайшего посёлка... Сколько, Сергеич?

– Семьдесят километров, – ответил Кустицкий.

– Значит, чтоб сюда добраться, нужно на чём-то приехать, – сказал бригадир. – Но мы-то всех здесь видим, и чужие к нам не приезжали за это время. Тут только Павлик и ездит туда-сюда, – бригадир оглянулся. – Блин, Антоныч прётся! Так что ж тогда получается?

– Получается, что это сделал кто-то с вашего участка, – подытожил Костя, складывая фотоаппарат.

Бригадир неуверенно хохотнул и бросил сигарету в грязь, на следы:

– Да я ж мужиков-то своих знаю! Они бы так шутить не стали. Ну побаловались бы, я бы ещё понял. Но инструмент-то ломать они бы точно не стали!

В это время к нам подошёл главный инженер:

– Ну, что думаете, граждане милиция? – спросил он и посмотрел на нас с Кустицким.

– Мне, кажется, это хулиганская выходка местных или кого-то с участка, – ответил я. – Всё как-то слишком очевидно и неправдоподобно.

– Согласен, – кивнул инженер. – И следы эти – липа чистой воды. Мы явно имеем дело с саботажем...

– Или хулиганством, – сказал я. – Мы ещё не знаем наверняка.

– Так или иначе, – отрезал инженер, – мы имеем дело со срывом планов. Я уже звонил наверх, и мне мало чего приятного пришлось выслушать! Я надеюсь, вы разберётесь в этой ситуации и как можно быстрее выявите виновных, – он махнул портфелем. – А я, тем временем, пойду и проверю бригаду Калинина, – и вновь ушёл по грязи в сторону леса.

– Ну вот, опять! – сплюнул бригадир. – Но по нему видно, что он не верит. Мы как-то в шутку однажды сказали, что видели тут медведя, так он месяц боялся выйти из вагончика, пока не сообразил, что к чему. А сейчас вон как шагает по лесу, не опасается ничего.

– Ладно, – сказал я и похлопал Кустицкого по плечу. – Это, Сергеич, уже твоя задача, определить, кто тут схулиганил. А нам с Костиком назад пора. Тем более, у меня отпуск только начался, пусть и холодно, – я повернулся к бригадиру. – Кстати, когда Павлик вернётся?

– Павлик? – улыбнулся бригадир. – Послезавтра...

Вынужденный простой нам с Костей пришлось чем-то занять. Поэтому мы вместе с Кустицким решили обойти бригады. Начали с Колиной.

Они сидели в вагончике и убивали время игрой в кар-

ты. Видимо, инженеру на глаза они не попались. Внутри было сильно накурено, в углу изредка потрескивала печка, а на подоконнике невнятно хрипел приёмник, перемотанный изолентой. По радио «Ва-Банк» пели про Эльдorado. Не считая утреннего происшествия, день у мужиков выдался неплохой.

Когда мы вошли, карт они не бросили, лишь один, сидящий с краю, спросил сквозь зубы, не вынимая сигареты:

– Ну что там, Семёныч? Разобрались, что почём?

– Ага, – кивнул второй, сидевший напротив. – Антоныч лютует?

– Мужики, это ребята из милиции, – кивнул на нас бригадир. – Они хотят с вами поговорить насчёт всего этого.

– С нами? – удивился крайний. – Чего так? – он вынул изо рта сигарету и толкнул соседа. – Михалыч, дай фуфелку, – и снова взглянул на нас. – Не на нас же вы думаете, чтобы мы свой инструмент сломали? – он повернулся к соседу, взял у него полную пепельницу и примял кучку своим окурком. – Семёныч, объясни мужикам, что и как.

– А мы и не говорим, что вы под подозрением, – ответил я. – Пока что... Нам бы хотелось узнать, что вы думаете по поводу случившегося? Может быть, есть какие-то идеи или догадки?

– Да что тут думать-то? – сказал Михалыч, бросая карты. – Вам же бугор наверняка сказал, что мы думаем. Но вы, видно, не поверили. Так, Семёныч? – и поднял глаза на бри-

гадира.

– Да он это! – снова подал голос крайний. – Снежный человек или как его там... Я и сам раньше во всю эту чепуху не верил, но в лесу на всякое насмотрелся. Мы ж всю жизнь по лесам мотаемся, комаров миллионами кормим. – Он кашлянул от дыма. – Места тут дикие, нехоженые. Да тут что угодно может быть. Вон, вчера Саныч нашёл неподалёку следы волчьи. А на той неделе мимо нас олени пронеслись, даже не боятся нас. Тут людей-то до нас и не было. Абрамовские здесь не бывают, и уж тем более не пришли бы они сюда, чтобы нам пилы ломать.

– Он, он, – донеслось из угла. Там на кушетке, заваленной одеялами, лежал четвёртый работник. – Снежный человек, или йети, или сасквоч, или бигфут. Называйте как хотите, хоть леший, – он привстал и сел на кровати, откинувшись на стенку. – Я давно уже заметил, как начали тут работать. Стоишь спиной к лесу, и такое ощущение, будто на тебя смотрит кто-то. Тяжёлый такой взгляд. Злой. Это точно он сделал, – пауза. – Мы на места его пришли, вот он и мстит нам теперь.

– Во, правильно Саныч говорит, – кивнул крайний. – Помнишь, Семёныч, в том году мы медведицу нашли с медвежатами? Она же сколько потом нас гоняла, Пирата задрала ещё!

– А сейчас у вас собаки есть здесь? – спросил я бригадира.

– Нет, мы после Пирата никого не заводили, – бригадир почесал небритую щеку. – Ну, у Саморядова в бригаде были

Звоночек и Бублик, но он их оставил дома. У Калины только кошка. А у газовщиков, вроде, никого.

– Значит, охраны никакой, – сказал я. – Если кто и приходил, это никто не заметил.

– Да ладно вам, – снова воскликнул крайний. – Абрамовские не могли этого сделать. Там всего два мотоцикла да «Жигуль» первого выпуска. Мы бы их сразу услышали.

– Хорошо, – сказал я. – А если отбросить версии с местными и с этим... лешим. Кто, по-вашему, мог это сделать?

– Да кому это нужно? – сплюнул крайний. – Мы тут все нормально работаем, и ломать бы никто не стал, потому что себя же и затормозили бы. Да и газовщикам это ни к чему.

– А пошутить мог кто? – подал голос Кустицкий.

«Ватсон, Вы здесь», – подумал я и улыбнулся.

– Да как-то слишком для шутки, – сказал крайний. – У нас только Капуста поржать любитель, но это для него чересчур!

– Это в бригаде Саморядова, – кивнул мне Коля. – Думаете, что Капустин?

– Не, бугор, ты чего? – крайний отмахнулся. – Да Лёнька не стал бы, зуб даю за него.

– Ладно, – сказал я. – Спасибо вам, мужики, мы дальше пойдём, – и направился к выходу.

Бригадир остановился и, повернувшись, сказал своим:

– Ладно, мужики, бросайте картишки и займитесь делом. Сергеич опись произвёл, дуйте к Аркадьичу, инструмент у него какой возьмёте. Давай, Саныч, поднимай народ. А то

вон Антоныч сюда тащится.

Через десять минут мы пришли на поляну, где работала бригада Саморядова.

– Эй, мужики, вы у нас тут поосторожней! – крикнул нам один, заглушив пилу. – У нас тут снежные люди толпами бродят, на чужих бросаются!

– Это Лёня Капустин, – сказал мне Коля. – Он у них за шутника.

К нам подошёл мужичок невысокого роста, но, судя по лицу, с большими амбициями:

– Саморядов, – представился он и пожал нам руки. – Вы, видимо, и есть следствие наше?

Мы кивнули.

– Знаете, что я думаю? – сказал он. – Мужики, конечно, разное болтают, но мы-то с вами реалисты. Ну вы сами посудите, какой это может быть снежный человек, ну серьёзно? Вот вы видели инструмент? – он кивком указал на стоящую неподалёку бензопилу. – Видно же, что инструмент громили чем-то тяжёлым. Топоры, опять же, словно в труху уничтожили, – тут он был прав. – Ну серьёзно, неужели можно поверить, что из лесу вышла огромная мохнатая обезьяна, взяла камни и всё к чертям разнесла? Да ерунда! У меня два варианта – либо шутка чья-то дурацкая, либо открытый саботаж. Но первый вариант маловероятен, поскольку у нас любителей вот так «пошутить» нет, у газовщиков и водил – тоже. А вот насчёт саботажа – честно, мужики, не знаю! Не могу

поверить, чтобы кто-то у нас продался кому-нибудь из других компаний.

– И что ж думаешь в таком случае, Мить? – спросил Кустицкий, опять же ничего не добавив. Я за ним давно заметил: как увлечётся, так и забывает лишние слова вставлять. Видимо, так ему и удалось жениться.

– Можно, конечно, и на местных подумать... Но, Сергеевич, сам посуди, ты ж абрамовский! Сколько тебя Павлик вёз сюда на своей коряге?

– Почти три часа, – кивнул Кустицкий.

– Ага, три часа по грязи и ухабам, – согласился Саморядов. – Ну кому из ваших взбрело бы в голову ползти сюда три часа, всё ломать шулки ради и три часа потом назад тащиться? Конечно, Тарасовна с окраины хороший товарчик гонит, но он не настолько хорош, чтоб спровоцировать кого на такой «подвиг», согласен?

Кустицкий кивнул, явно со знанием дела. Костя закурил и с шумом выпустил дым.

– В общем, что не говори, – развёл руками Саморядов, – а идея со снежным человеком – бред чистейший!

– А что думаете насчёт следов? – спросил я и отмахнулся от дыма.

– Видел я те следы, – отмахнулся Саморядов. – Что вот во мне сразу подозрения вызвало – это очевидность оставленного следа. Зверь не станет вот так неразумно в грязи следы оставлять, я так думаю. А тут создаётся ощущение, будто

внимание хотели к нему привлечь.

– Согласен, я тоже говорил, что это – показуха.

– Когда мы нашли следы, я посмотрел на них и прошёл немного в лес, в ту сторону, откуда вели следы. До опушки они есть, а дальше – ничего. Ни примятых листьев, ни веточек сломанных. О чём это говорит? А говорит это о том, что кто-то дошёл до края леса, взял то, с помощью чего он эти следы делал, и пошёл топтать грязь.

Я понимающе кивнул. Эта версия, в принципе, повторяла мою: следы были явно сделаны искусственно. Кто-то явно хотел привлечь к себе внимание, поломка инструментов была лишь уловкой, частью плана. Такой человек ради славы пойдёт на всё, лишь бы о нём что-нибудь упомянули, хотя бы в посредственной районной газетёнке. Он вырежет эту заметку на память и потом где-нибудь в пьяном угаре будет рассказывать приятелям о том, как однажды он поднял на уши и милицию, и любителей паранормального, и всяких психов, налетевших на сенсацию.

«Кстати, – подумал я, – как хорошо, что ничего не просочилось пока на сторону».

Тут бы уже явно нагрянула бы толпа со всяким барахлом, которое указывает, где прячется снежный человек и где приземлялась тарелка с гуманоидами. Проблема требует решения, пока об этом не узнала пресса. Неважно, официальная она или жёлтая. Официальное издание написало бы о саботаже на участке строительства газопровода и как бы невзначай

упомянуло бы о найденных следах. Никаких явных выводов. Жёлтая газетка сразу бы раздула легенду, нашла бы пятерых местных, которые видели в этих лесах снежного человека. А ещё бы, возможно, там было бы интервью какой-нибудь бабушки Фроси, которую эта обезьяна пыталась изнасиловать, причём ещё до революции.

Мы перекинулись с Саморядовым ещё парой фраз и двинулись дальше. Проблема требовала решения. Хотя я и склонялся к версии с розыгрышем, меня смущало одно – Абрамовка была слишком далеко при такой-то дороге. Конечно, можно было бы предположить, что в лесу находилась пара охотников, и они решили пошутить над работягами, но погодка сейчас была не самая тёплая, снег обещался быть со дня на день. Вариант с шуткой кого-то из лесорубов, газовщиков или водителей я попросту не хотел принимать как имеющий хоть какие-то основания под собой: никому из полусотни находящихся здесь работяг не было смысла устраивать «шуточный саботаж» – близилась зима, и всем явно хотелось быстрее закончить работы. Оставался ещё вариант с происками конкурентов. Конкурс на разработку участка тогда много шума наделал. Может быть, смысл стоит здесь искать?

После мы зашли на участок бригады Калинина. Там как раз был перекур, все были в сборе. Бригада разошлась во мнениях: кто-то говорил о шутке местных дурачков или саботаже кого-нибудь из «СтройГаза», а кто-то не сомневал-

ся, что всему виной – лохматый житель леса. Пара человек тоже утверждали, что временами чувствовали на себе чей-то взгляд. Нечеловеческий взгляд. Откуда-то из леса.

Примерно о том же нам сказали и некоторые газовщики. Тяжёлый взгляд.

Разговор с завхозом Аркадьичем состоял, по сути, из массы отборнейших матов: носастый коротышка в кепочке поливал грязью того, кто сломал инструмент, и грозился лично его убить, как только того найдут. Говорить о глупой версии насчёт йети мы не решились: Аркадьич был невероятно зол.

Собрав вместе водителей, мы попытались выяснить, не видели ли они кого-нибудь, кто ездил в направлении участка в последние дни.

– Да тут кроме Павлика-то никого не бывает! – чуть ли не хором ответили водители. – Он же у нас и на доставке продуктов, и почтальон, и вообще – свой мужик.

Мы спросили их, что они думают насчёт происшествия. Здесь также были противоречивые мнения. Когда же мы распрощались, нас нагнал один из водителей, Сашка.

– Не хотел при мужиках говорит, чтоб не засмеяли, – сказал он нам. – Знаете, как-то с месяц назад я подъезжал к участку и увидел на окраине... ну, не знаю, что. Большое такое и лохматое. Стояло между лесов. Может, это и медведь был, а, может, и показалось чего с недосыпа. Но как-то мне неуютно стало по лесу ездить.

После этого мы зашли к поварам, но те сказали нам, что

с кухни не вылезают, и потому особой помощи от них можно и не ждать.

Однако, чем больше людей мы обходили, тем большие сомнения нас разбирали. Конечно, мнение масс зачастую давит, но на следствии это не должно сказываться. Но, как мне показалось, Костя с Кустицким уже готовы были принять версию со снежным человеком. Особенно после слов водителя.

К вечеру мы обошли всех. Стало окончательно ясно, что Павлика можно не ждать. Мы с Костей усердно отругали Кустицкого за то, что не предупредил о возможной задержке, а мы потому были без каких-либо вещей.

Нас устроили в вагончик с Аркадьичем, и мы с Костей и Кустицким просто не могли дождаться, когда же он наконец заснёт, поскольку столько матов мы втроём и за всю жизнь не слышали. Казалось, он даже во сне материл саботажника.

Когда Аркадьич заснул, мы улеглись и погасили свет.

Я проснулся оттого, что меня тряс за плечо бригадир Коля.

– Скорее, – сказал он, явно будучи на взводе. – Антоныч!

Я встал, посмотрел на часы. Была четверть второго. Коля тем временем поднял Костю и Кустицкого. Аркадьич пару

раз матюгнулся и, перевернувшись, захрапел в стену.

Мы вышли на улицу. Было довольно холодно. Площадка у вагончиков была ярко освещена, вокруг суетились люди, бежали к одному из вагончиков.

– Что там с Антонычем? – спросил я у Коли.

– Увидите, – ответил он, и мы пошли к отдельному вагончику главного инженера. – Я проснулся от крика. Выскочили с мужиками на крыльцо, смотрим – по площадке сломя голову несётся Антоныч и истошно орёт. Забежал он к себе, там грохот невероятный устроил.

Мы поднялись по крыльцу и зашли в вагончик. Там стояло множество мужиков, явно перепуганных случившимся.

– Ребята, разойдитесь, – сказал им Коля. – Да и оденьтесь, застудитесь же, прилетели в одном исподнем!

Мы протиснулись сквозь толпу и прошли вглубь. Коля был прав: кругом всё было перевернуто, рассыпаны бумаги и какой-то мелкий мусор. В углу у кровати, обхватив руками колени, сидел трясущийся инженер. Безумный взгляд беспрестанно бегал по стенам, потолку, полу и лицам собравшихся. Мы подошли к нему поближе, присели рядом с ним на корточки.

– Андрей Антонович! Эй, Андрей, – позвал я его, осторожно коснувшись рукава его куртки. Он одёрнул руку и ещё больше вжался в угол. – Андрей Антонович, Вы меня слышите? Ответьте мне, ответьте... – Его взгляд остановился на моём лице, в глазах появилось что-то разумное, он пере-

стал дрожать. – Что с Вами случилось?

– Ттт-там, в ллл-лесу! – заикаясь, начал он, озираясь по сторонам.

Я глянул на Кустицкого с Костей и дал им знак разогнать мужиков. Последние недовольно заворчали и начали расходиться. В наступившей тишине я повернулся к инженеру.

– Я решил выждать ночи и пройти по участку, – сказал он. Похоже, он начал успокаиваться. – Решил, что вдруг увижу этого «шутника» или «саботажника». Пошёл по просекам, осмотрел территорию. Без фонарика, естественно, только освещение на площадке издали доставало. Уже собирался назад, как вдруг спину прихватило. Она у меня часто так на морозы реагирует, застудил по молодости. Прислонился я к дереву одному спиной, решил подождать, чтоб отпустило. А спину начало крутить, я начал оседать от боли, пошевелиться не могу. Сажу на листьях сухих холодных, тру спину руками. Вдруг слышу – шорох рядом. Поднимаю глаза и вижу... Стоит что-то передо мною. Метра два ростом, если не больше. Мохнатое очень. И глаза отсвечивают в темноте. Злые такие, Господи, до сих пор передо их вижу. Стоит оно и смотрит прямо на меня. А я и шелохнуться не могу, чёртова спина. И крикнуть боюсь. А оно стоит, молчит и не шевелится, словно ждёт чего-то. Не знаю, сколько это длилось, мне казалось – часы прошли, но это, наверное, не так. Оно стояло, стояло, и потом тихо ушло куда-то. Тут я понял, что спину отпустило, и бросился бегом сюда.

Мы с Колей переглянулись. Я вспомнил, как бригадир говорил о том, что инженер не поверил в вариант со снежным человеком. Как не поверил и я. Но сейчас я был готов изменить своё мнение. Потому что главный инженер был абсолютно седым.

Проснувшись, я увидел, что на улице уже светло. Приподнявшись на локте, осмотрелся. Костя сидел на кровати и протирал заспанные глаза, Кустицкий с Аркадьичем устраивали храпящий концерт. Я тоже сел на кровать и кивнул Косте. Тот тем временем встал, слегка размялся и выглянул в окно.

– Снег выпал, – сказал он в полголоса и накинул на плечи куртку. – Надо сбегать отлить, пока не лопнуло кой-где! – он сунул ноги в ботинки и открыл дверь. Яркий свет ударил по глазам, вдали искрился снег. Костя остановился в проходе и снова потянулся.

– Стой, – крикнул я ему и бросился к двери. Он замер, не опуская разведённых рук, и оглянулся. Я подбежал к нему и указал под ноги. – Смотри.

На крыльце были следы. Большие, почти в полметра, следы босых ног. С отставленными в сторону большими пальцами. Крыльцо было затоптано, словно тот, кто оставил эти следы, провёл тут немалое время. Цепочка отпечатков

на снегу вела за угол вагончика.

Мы замерли с отвисшими челюстями. Сзади негромко присвистнул разбуженный Кустицкий. Я вышел из оцепенения и сказал Косте:

– Ну-ка, подсади меня. Хочу сверху посмотреть.

Вскарабкавшись по скользкому от снега металлу, я встал на прочную крышу и осмотрелся. Следы несколько раз огибали вагончик. Затем цепочка удалялась к другим вагончикам, а от них – в сторону опушки.

На крыльце своего вагончика стоял бригадир Коля. Поражённый, он смотрел на грязные следы на заснеженной площадке.

– Николай, – крикнул я ему и махнул рукой, чтобы он меня увидел. – Собирай всех!

Через полчаса на площадке стояли все лесорубы, газовщики и водители. Все аккуратно сторонились следов на снегу, которые уже активно фотографировал Костя. Люди были возбуждены и шумно обсуждали случившееся.

– Сергеич, – повернулся я к Кустицкому. – У тебя табельное с собой? – Тот кивнул и указал на карман куртки. Яглянул на бригадира. – Коля, естественно, у вас тут никакого оружия нет? Я не как милиционер сейчас спрашиваю, надо очень, – бригадир замялся и отрицательно мотнул головой. – Прекрасно! Мы имеем дело неизвестно с чем, а у нас всего два ствола. Как будем оборону держать?

– Можно взять топоры, трупы, – сказал Саморядов. – Бен-

зопилы, опять же. Хотя не очень удобно будет с ними нападать. Только если напугать...

– Спугнём, и чёрт с ним, – прокатилось по толпе одобрение.

– Говорил же я вам, что мы на его земле, – раздался из толпы голос Саныча из Колиной бригады. – А теперь вы предлагаете ещё и выжить его?

– Он, кем бы он не был, представляет опасность для всех нас, – сказал я громко. – Все вы видели, что он сделал с инструментом. А что, если он нападёт на кого-то из вас? Нам нужно найти его или хотя бы спугнуть отсюда. Готовьтесь, через десять минут выходим.

Толпа зашумела и пошла вооружаться. Я посмотрел в сторону вагончика главного инженера. Тот вздохнул и закрыл дверь. Похоже, он так и не отошёл полностью.

Спустя пятнадцать минут почти сорок человек, вооружённых инструментом, вышли к опушке леса, к тому месту, куда вели следы. Наша шумная компания распределилась в цепочку, и мы выдвинулись вперёд. Я на всякий случай приготовил своего «Макарова». Искать снежного человека такой толпой было не страшно. Во всяком случае, так казалось. Однако через пару минут мы остановились. Следы неожиданно оборвались. Толпа зашумела. Я оглянулся на Саморядова, тот понимающе кивнул. Повторилось то, о чём он говорил нам тогда. Костя, стоявший рядом, осмотрелся и указал рукой куда-то вперёд.

– Вон там, на стволе! – мы с ним прошли вперёд и увидели на одном из деревьев царапины, на высоте примерно три метра. – Видимо, он перемещается по деревьям, как обезьяна.

– Он и есть обезьяна, – сказал Михалыч из Колиной бригады.

– Смотрите на деревья, на них должны быть царапины, – объяснил я людям, и мы пошли вперёд. И иногда меня не покидало чувство, что за нами следят.

Через некоторое время царапины стали появляться сразу на нескольких деревьях. Очевидно, он прыгал здесь с дерева на дерево несколько раз, в разное время.

– Нам надо распределиться, – сказал я. – Коля, твои пусть идут прямо. Бригада Саморядова, туда, направо, к тем камням. Бригада Калинина – к тем соснам. Маховский, – это был один из начальства газовщиков, – ведите своих вон к тому валежнику. И смотрите на деревья.

Люди рассредоточились и пошли в указанных направлениях. Мы с Костей и Кустицким двинулись влево. Постепенно установилась тишина, лишь вдали меж полуголых стволов деревьев мелькали люди с инструментом в руках. Кустицкий держал наготове свой пистолет, Костя на всякий случай приготовил фотоаппарат. Я засмотрелся на их сосредоточенные лица, почему-то показавшиеся мне забавными, и не заметил, как влез в яму с жидкой грязью. С меня слетел сапог и увяз в жиже.

– А, блин, – воскликнул я и наклонился за сапогом. Вытащив его, я поправил носок, и, держась одной рукой за дерево, надел сапог обратно. И тут мне показалось, что кто-то смотрит на меня. – Эй! – сказал я, но мои напарники уже прошли вперёд, и я потерял их из виду. Я подумал, что сейчас меня, как обычно бывает в фильмах ужасов, съедят. Потому что первыми всегда съедают тех, кто отстал или потерялся. Я огляделся и увидел неподалёку следы. Они были на снегу, и, судя по всему, свежие. Приготовив пистолет, я пошёл вперёд. Где-то вдалеке слышались голоса.

Я тихо прошёл вперёд и через минуту остановился, не веря своим глазам. Метрах в десяти передо мной, ухватившись за дерево, стояло оно. Больше двух метров в высоту, с очень широкими плечами, короткой шеей и мощным телом. Всё покрытый густой коричневой шерстью. Существо стояло спиной ко мне и смотрело перед собой. Где-то там вдалеке шли люди. Я замер на месте, не зная что мне делать и боясь шевельнуться.

Внезапно существо начало шумно втягивать воздух, после чего медленно повернуло ко мне голову. Я увидел заросшее лицо с широким носом и сильно выпирающим подбородком. Среди шерсти блестели два желтоватых глаза. Существо отпустило ствол дерева и полностью повернулось ко мне. Я резко поднял пистолет, держа его обеими руками.

Мы оба молча стояли и смотрели друг на друга. Казалось, прошло несколько минут. Потом существо начало медленно

приближаться. Я крепче сжал пистолет и весь напрягся. Понимал, что шанса на второй выстрел у меня может не быть. Я стоял и смотрел существу прямо в глаза.

Оно остановилось где-то в трёх метрах от меня. Вблизи оно казалось ещё больше. От него пахло грязью. Я заметил, что его руки и ноги немного непропорциональны, и оно слегка прихрамывало при ходьбе. Я снова посмотрел ему в глаза. И не поверил тому, что там увидел.

Я увидел в его глазах страх. Существо боялось нас. Казалось бы, мы, сорок взрослых мужиков, до ужаса боялись его, огромного неизвестного существа. А теперь я видел, что оно боится нас не меньше. Казалось, оно с ужасом смотрит на меня и на непонятную ему вещь в моих руках, направленную на него. Но самым удивительным для меня оказалось другое: я видел в его глазах что-то ещё. Что-то человеческое. Что-то разумное.

И тут громыхнул выстрел, эхом прокатившийся по лесу. Существо пошатнулось и глянуло куда-то вверх меня. Раздался ещё один выстрел, и из головы существа брызнула кровь. Оно отлетело назад и упал на снег.

Я оглянулся. Ко мне бежали Кустицкий и Костя. Хоть Сергеич и говорит плохо, но стрелок он первоклассный. Они бежали ко мне и что-то кричали. Костя тряс фотоаппаратом. Отовсюду слышались голоса, меж стволов деревьев замелькали человеческие силуэты.

Я повернулся к существу. Снежный человек неподвижно

лежал на снегу. Снег вокруг его головы окрашивался в красное и начинал таять.

Мы едва дождались приезда Павлика: настолько все мы были возбуждены произошедшим. Тело существа мы завернули в брезент, благо, погода была холодной, и процесс разложения не был столь быстрым. Мы никому не говорили о случившемся, чтобы избежать лишней шумихи. Нам здесь не нужны были толпы падких до сенсаций журналистов и повернутых на паранормальном типов.

Приехавший Павлик был просто шокирован увиденным. По дороге назад он молчал примерно половину пути, а потом засыпал нас вопросами: как мы его нашли, что оно делало и так далее. На большую часть этих вопросов у нас не было.

В район мы вернулись за полночь. По дороге я связался с нашим патологоанатомом, Герой, и попросил его подойти и посмотреть тело. Когда мы приехали, Гера ждал нас с каталкой. Тело в брезенте, которое мы с трудом погрузили на тележку, свисало почти на полметра. Придерживая ему ноги, мы увезли существо в смотровую.

– Надеюсь, ты никому не говорил про нашу просьбу? – спросил я Геру по дороге.

– Ну, только Наташке сказал, что вызвали на работу, – пожав плечами, ответил он. – А кто там у вас?

– Увидишь, – улыбнулся я.

Мы подвезли тело к столу и, поднатужившись, перебра-
сили на стол. Гера пододвинул полочку с инструментом, а я
откинул брезент. Костя опустился на стул в углу и сразу за-
тих, откинувшись головой на стену.

– Ох ты, чёрт! – воскликнул Гера, ошарашено глядя на те-
ло. – Где вы это взяли?

– Да вот сходили за грибами, да наступили случайно, – от-
ветил я и направился закрывать дверь: местный сторож Ген-
надьич был весьма любопытен и настолько же болтлив.

– Что с ним случилось? – Гера всё ещё не мог пошеве-
литься, словно боялся, что труп сейчас оживёт и набросится
на него.

– Сергеич прострелил ему голову, – сказал я. – Видимо,
от дырки в голове мозги застудил и умер, – я весело посмот-
рел на Геру.

– Сергеич? Это тот бестолковый дурень из Абрамовки? –
Гера наконец пришёл в себя и склонился к телу, начал осмат-
ривать дыру в голове. – Он что, стрелять умеет?

– Как видишь, – кивнул я. – Этот баскетболист стоял ря-
дом со мной, когда Кустицкий его пристрелил. Я, как ви-
дишь, цел.

Гера что-то невнятно промычал в ответ и занялся осмот-
ром. Видимо, он уже увлёкся. Я постоял немного, но решил
не вдаваться в подробности вскрытия и вышел. Полусонный
Геннадьич сидел в своей каморке и смотрел на экран малю-

сенького чёрно-белого телевизора какой-то концерт, посвященный дню какой-то профессии. В помещении было душно от кипящего чайника, стоявшего на электрической плитке в углу. На столе стояла кружка, с которой свисала верёвочка чайного пакетика, а на салфетке лежала пара бутербродов.

– Здорово, Геннадьич, – сказал я и пожал старику руку. – Как жизнь твоя?

Старик угостил меня чаем, потом начал говорить от погоде, от неё плавно перешёл к грядущей зиме и предстоящему подлёдному лову. Геннадьич любил подлёдный лов и говорил о нём со всеми, кто готов был слушать. Я не был против: всё равно торопиться некуда.

Через час с небольшим к нам заглянул Костя.

– Герка зовёт, – сказал он, протирая глаза.

Герка накрыл тело брезентом и курил, сидя на стуле рядом со столом.

– Ну, что скажешь? – спросил я.

– Что тебе сказать, – сказал Герка, стряхивая пепел в раковину. – Это человек...

– Ну да, снежный человек, – кивнул я.

– Нет, ты меня не понял, – вздохнул Герка. – Это на самом деле человек.

Мы с Костей переглянулись.

– Это человек, – снова повторил Герка, наклонился вперёд и раздавил окурки о край раковины. – Просто у него имеются множественные атавизмы, – он посмотрел на нас. – Знаете,

что это? – мы кивнули. – Так вот, у него повышенная волосятость, изменение лицевых костей и тому подобное. Плюс ко всему, наш пациент страдал ещё и от неравномерности развития. У него руки, ноги и ступни разной длины.

– Да, – кивнул я. – Он заметно хромотал при ходьбе, а следы были неодинаковыми.

– Очевидно, какая-то сельская мамаша родила однажды такого вот паренька, – он махнул рукой в сторону тела. – Немного держала при себе, а потом выкинула в лес. Сама она это сделала или же родственники, этого мы с вами не узнаем. Но поскольку он оказался ближе к природе, чем мы с вами, им двигали чистые инстинкты, и он умудрился выжить в лесу без посторонней помощи. Судя по всему, ему около двадцати лет. Кстати, думаю, не будет лишним сказать, что организм у нашего пациента весьма изношен, и он всё равно умер бы в ближайшие годы. Это распространено среди таких вот гигантов.

Мы не стали никому говорить о нашей находке. Решили, что ни к чему поднимать панику из-за ничего. Мы столкнулись со случаем генетического уродства, но эту историю могли раздуть до невероятных размеров. Нам этого не было нужно.

Вот даже сейчас я Вам это рассказываю, а Вы должны

мне пообещать мне, что это останется между нами. Просто мне выговориться нужно, чтобы полегчало. А Вы никому об этом, хорошо?

Мы тайно похоронили тело на сельском кладбище, ночью, в безымянной могиле.

Работяги с просеки тоже пообещали нам не рассказывать никому о случившемся. Поломку инструмента потом списали на хулиганскую выходку, и то дело осталось нераскрытым «висяком». Постепенно всё начало забываться.

Вот только вчера мужики нашли там свежие следы. Полу-метровые человеческие следы...

29 августа – 5 сентября 2010

Двести Восьмой и Майкл Джексон

Королю посвящается...

Меня зовут Двести Восьмой. Нет, это не имя дурацкое, просто нам, роботам, отдельных имён давать как-то не принято, вот поэтому мы обычно используем свой серийный номер. Ну, я конечно, могу и полностью представиться – робот-строитель третьего класса GX-5 208 AE4F, но, согласитесь, не очень удобно вот так вот обращаться к кому-то. Например, эй, ты, робот-строитель третьего класса GX-5 208 AE4F, а передай-ка мне вон ту штуковину. Согласитесь, неудобно. Так что уж лучше просто Двести Восьмой.

Сейчас я сижу на лавочке и жду космолёт эконом-класса, курсирующий по маршруту «Калькутта-9 – Сквиза-16». Что такое Калькутта-9, спросите вы? Да просто самый обычный астероид, укрытый с одной стороны полусферическим куполом с выходным шлюзом, способным принимать небольшие судёнышки третьей и четвёртой степени. Забытая всеми дыра, которую изредка посещают лишь дальнобойщики да залётные коммивояжёры. Что такое Сквиза-16, снова спросите вы? Да просто планетка размером с ноготок, болтающаяся где-то неподалёку от системы ТКН-63 на окраине изведанной Вселенной. Обычная планетка, превращенная в один большой завод, который выполняет одну-единствен-

ную функцию: перерабатывает роботов в отдельные куски металла и пластика и отправляет свою продукцию обратно на конвейеры «Интернэшнл Роботикс». Такое вот безотходное производство. А вы опять спросите, чего же я там такого забыл? Не скрою, я робот довольно старый, и мои сверстники по серии GX-5 стали разваливаться ещё лет десять тому назад. Вот и отправили меня прямо с рабочего места на утилизацию. Там у меня примут необходимую документацию, вынут дискету с памятью, отсоединят ЦПУ, и всё, прощайте нули и единицы. Почему я так спокойно об этом говорю, спросите вы снова? А программа у меня такая, приходится.

Вот и сижу я поэтому на лавочке и жду космолёт. Мимо меня снуют два робота серии KJ-1, убогие бочки с огромным вентилятором вместо носа. Они уже полчаса таскают с места на место большую коробку с перевёрнутой надписью «Этой стороной вверх» и без устали шевелят антеннками-рожками. Речевой платы у них нет – недоработки серии, знаете ли. Ну и слава Линуксу, а то они бы надоели своей трескотнёй. Все последующие поколения KJ – они ужасно болтливые. Недоработки серии, знаете ли. Чуть позади меня стоит будка, внутри которой лежит семиногий пёс с Альфы-3а. Пса разморило на свете звезды Омпулана, пробивающемся сквозь толстое стекло купола, и он довольно сопит всеми тремя ноздрями. Напротив лавочки, через дорогу, метрах в десяти, в дверях своего магазина стоит толстый уроженец Пегаса-4 и вытирает свои шерстистые руки о грязный перед-

ник. Что он может продавать в таком месте – даже представить не могу, а заходить вовнутрь не решаюсь – роботов без наличности в этой части Галактики как-то не жалуют. Продавец что-то кричит двум роботам с коробкой, те оставляют своё занятие и идут к нему. Все трое скрываются за дверьми магазина.

Судя по затёртому расписанию, висящему неподалёку от выходного шлюза, космолёт должен прибыть через три стандартных часа. Плюс-минус пару дней. Да, в космосе такое случается, и нередко. Что ж, возможно, транспорт до Каббазы-1 прибудет раньше. Тогда я, возможно, отправлюсь туда. Почему, спросите вы, ведь мне надо совсем в другую сторону? А причина этого – вот она, рядом со мной.

На лавочке по левую руку от меня сидит лупоглазый робот-заправщик ST-8 144, но он, однако, говорит всем, что его зовут Майкл Джексон. Что значит это имя – об этом у меня самые поверхностные представления. Помнится, когда-то давно мы с роботом серии FM-6 сидели в одном кафе на Плупфе. Этот робот, как и все прочие в этой сборке, обладал довольно неплохим объёмом памяти в четыре с четвертью мегабайта, а потому имел привычку хвастать всем направо и налево, что знает всё и обо всём. Вот он-то мне и поведал историю о человеке из Старой Эпохи. Не знаю, к чему он мне её тогда рассказывал, да то и не важно. Звали того человека Майкл Джексон, и FM-6 сказал мне, что землянин этот в своё время много чего сделал, вроде бы, даже

был оперным певцом, да вот попался на какой-то невнятной контрабанде чего-то там куда-то там. При этом FM-6 клялся духом Линукса и заверял меня, что всё это является чистой правдой по сравнению с тем немногим, что дошло до нас от тех древних времён. Не знаю, может это и так.

А вот откуда Сто Сорок Четвёртый взял себе этот псевдоним – тайна, которой, видимо, никогда не быть раскрытой. Зачем ему псевдоним, опять спросите вы? Ну, как вам сказать...

Практически у каждой серии роботов есть небольшие, скажем так, недоработки. А вот у лупоглазых ST-8 возник просто огромный дефект. У них начало формироваться что-то вроде личности. Когда в «Интернэшнл Роботикс» заметили неполадку, было уже поздно что-либо менять – роботы этой серии разлетелись на грузовых кораблях во все концы изведанной Вселенной. Поэтому решили всё оставить как есть. А вот ST-8 тем временем стали ассоциировать себя с живыми существами. Я как-то встречал одного, так он говорил всем, что он – калух с планеты Ырг. Нет, Вы представляете, каков чудак?

А вот Сто Сорок Четвёртый считал себя человеком. Даже номер серии на груди стёр из-за этого. И говорил он всем, что зовут его не иначе, как Майкл Джексон. Собственно, из-за своей «человечности» он и попал сюда, на «Калькутту-9». До этого он, как и положено ему по программе, служил заправщиком на межгалактическом рудовозе компании «Вэй-

ланд-Ютани». Суть его работы заключалась в открывании и закрывании нужных клапанов в нужный момент. И ничего больше – лишь пыль, шум двигателя и радиация. Но Сто Сорок Четвёртый всегда стремился к большей человечности. И вот где-то на одной из станций заправки он разжился сигаретами, наполненными контрабандным табаком с планеты Ипатата. А где-то на одном из дальних перегонов он решил этих самых сигарет покурить. Заперся у себя в реакторном отсеке, достал сигареты и зажигалку и приступил к делу. Но вот только не учёл он скопления горючих паров, собравшихся в небольшом закрытом помещении. В общем, когда развороченный взрывом рудовоз причалил к астероиду Акц, сопротивлявшегося Сто Сорок Четвёртого выбросили на голые камни и оставили там одного. Через месяц стандартного времени мимо пролетал фермер с Трувса, подобрал бедолагу и пообещал подбросить до Калькутты-9, чтобы тот мог отправиться куда-нибудь дальше.

В бардачке фермерской колымаги Сто Сорок Четвёртый нашёл затёртый туристический буклет, такой же древний, как и сама Вселенная. И всё бы ничего, но на глаза ему попала заметка о планете Лино. Местечко это по праву считается лучшим во всей изведанной части Вселенной. Идеальный для большинства живых существ климат, бескрайние леса, поля и океаны, чистый воздух и полное отсутствие каких-либо надоедливых насекомых. Лино была мечтой любого разумного существа, и Сто Сорок Четвёртый не стал

исключением, хотя разумным его можно назвать с большой натяжкой. Именно тогда в его недоработанном процессоре и возникла мысль о том, чтобы во что бы то ни стало оказаться на райской планете и остаться там жить.

Фермер, как и обещал, доставил лупоглазого на Калькутту-9. Из буклета Сто Сорок Четвёртый узнал, что самый верный способ добраться до Лино – чартерный экспресс с Чиллуса-8, огромного космодрома, висящего на орбите Церта-Н, что в паре парсеков отсюда. Разузнав подробности у продавца-пегасца, наш путешественник выяснил, что попасть на этот самый космодром можно через Каббазу-1. Да, ту самую, где выращивают стотонных грисских свиней. Продавец через посредников закупает там мясо для своих нужд, а те, помимо прочего, работают и со снабженцами Чиллуса-8. Такая вот логистика получается.

На Каббазу-1 отсюда можно попасть на транзитном космолёте для рабочих роботов, который изредка залетает на астероид и подбирает бедолаг вроде нас. Причём абсолютно бесплатно. Почему, спросите Вы? Да просто стоимость перелёта уже давно включена в стоимость нас самих. «Интернэшнл Роботикс» не дураки заправляют.

Когда я прибыл на «Калькутту-9», Сто Сорок Четвёртый уже был здесь. Ждал заветного транспорта. Как выяснилось, уже седьмой стандартный день. За это время он уже успел порядком надоесть всему немногочисленному населению астероида, включая тех двух грузчиков с вентиляторами. Поэто-

му он, считающий себя человеком, то есть существом социальным, сразу же решил завести со мной разговор. Говорил он, надо заметить, весьма интеллигентно и сдержанно. Это тоже особенность серии. Поговаривают даже, что в прошивке ST-восьмых можно найти куски программного кода легендарного СЗРО. Видимо, это и сказалось.

– Здравствуйте, любезный, – обратился он ко мне. – Позвольте узнать Ваше имя.

– Двести Восьмой, – ответил я без особого желания продолжать разговор. Не знаю почему, но я этих ST-восьмых как-то недолюбиваю. Хотя для робота это и не совсем верное выражение.

– А вот меня зовут Майкл Джексон, – сказал он, и мне сразу вспомнился разговор на Плуффе. Зная про недоработку серии лупоглазого, я не особо удивился. А он тем временем продолжал: – Позвольте полюбопытствовать, а куда Вы путь держите?

– Сквиза-16, – всё так же бесстрастно ответил я.

– Ах, наслышан, наслышан, – сымитировал человеческий вздох Сто Сорок Четвёртый. Ещё бы ему не слышать об этой планете – часть программы, как никак. – Да, тяжёлая участь у вас, роботов. Работаете без отдыха много лет, а потом в один момент идёте на списание и под пресс. Повезло мне, что я человек, а не робот. Не хотелось бы, знаете ли, вот так смиренно идти на верную кончину. Я вот жизнь люблю, знаете ли. Но Вам, мой железный друг, такого, конеч-

но, не понять, – тут он покрутил шарниры на правом плече. Гидравлические механизмы внутри подозрительно зажужжали. – Что-то рука в последнее время побаливает. Застудил, что ли? Ну ничего, скоро доберусь до Лино, и тогда благоприятный климат и свежий воздух сделают своё благое дело, – при этом светодиоды в его ротовой щели засветились ярко-зелёным светом. Сто Сорок Четвёртый был весьма доволен этой перспективой.

– Едете на Лино? – забавы ради спросил я. Просто чтобы скоротать время, ведь космолёт прибудет не скоро. Заводить с ним знакомства мне как-то не особо хотелось.

– Да, – он положил кисти на бедренную часть ног и начал неторопливо двигать руками вперёд и назад, словно маленький ребёнок, греющийся под светом какой-нибудь звезды. – Вы знаете, хочу построить там новую жизнь. Я ещё молодой, и хочу прожить эту жизнь хорошо. Плюс хочу подлечиться, – и он снова повёл правым плечом.

После этого мы замолчали. Я от безделья начал считать чёрные вкрапления в дорожном покрытии. Сто Сорок Четвёртый ещё некоторое время посидел рядом, а потом направился к магазину напротив. Пока он шёл, я заметил на подошвах его ступней цифры «144». Так я узнал настоящее имя этого недоделанного робота.

А он тем временем зашёл в магазин. Двое КJ-первых только что выгрузили из ангара коробку. Один из них, с синим вентилятором, зашевелил антеннками, и они стали перево-

рачивать свой груз. Внутри что-то с грохотом разбилось. Но роботам это не помешало, и они упорно продолжали свою работу.

Из магазина донеслись крики пегасца на его родном языке. Грузчики глянули на дверь, но, видимо, поняли, что всё это было адресовано не им. Через секунду из здания быстрым шагом вышел Сто Сорок Четвёртый.

– Такой невоспитанный торговец, – сказал он, садясь на лавочку. – А ведь я просто спросил у него что-нибудь попить. Жарко, знаете ли. А он стал кричать на меня, обозвал «глупым металлическим ящиком» и выгнал. Такой невежа.

Я кивнул, соглашаясь с мнением пегасца.

– А знаете, мой железный друг, Вы мне нравитесь, – он даже похлопал меня по плечу. – Хотя, знаете, я как-то роботов не особо жалуя, но вот Вы – довольно интересный экземпляр. А посему у меня к Вам предложение, – он выдержал паузу. – Не хотите ли Вы отправиться вместе со мной на Лино? К чему Вам эта бездушная утилизация? Хотите стать тостером или гаечным ключом? Уж лучше посмотрите Вселенную, познакомьтесь с новыми лицами в Вашей жизни. Да и мне скучно не будет в пути. Как Вам моё предложение?

Вот так Сто Сорок Четвёртый позвал меня с собой на Лино. Не сказал бы, что я полностью согласился. Я просто решил для себя: какой транспорт раньше прибудет, на том и поеду. Либо под пресс, либо на Лино.

С этого момента прошло уже шесть стандартных часов.

Сто Сорок Четвёртый периодически встаёт с лавочки и прохаживается вдоль дороги, пересекающей небольшой астероид. Он мотивирует это тем, что у него затекают ноги. Он либо подойдёт к расписанию и подолгу его изучает, словно оно неожиданно изменилось за последние полчаса, либо наблюдает за работой КJ-первых и даёт им какие-то советы. Те лишь шевелят антеннками в ответ и продолжают свою суетливую возню.

И вот до нас наконец-то доносится шипение. Мы поднимаем головы и видим, как отрываются первые ворота выходного шлюза. В образовавшуюся щель медленно всплывает космолёт. Корпус окрашен в зелёный цвет с белой полосой по кругу. Транзитка для рабочих роботов. Значит, мы всё-таки едем на Лино. Сто Сорок Четвёртый восхищённо смотрит на транспорт. Его щётки в верхней части головы поднимаются подобно человеческим бровям. За космолётом закрываются внешние ворота шлюза, и через мгновение с шипением открывается внутренний вход. Зелёная транзитка аккуратно опускается на стоянку неподалёку от нас.

Я мельком смотрю на пегасца, снова появившегося в дверях магазина. У того довольное выражение лица, и клыкастый рот расплывается в улыбке. Похоже, он радуется что надоедливый робот сейчас покинет его астероид.

Транзитка, являющаяся, по сути, чем-то вроде похожего на кирпич коробка с окнами и двумя сверхсветовыми движками, с шумом открыла входные двери. Наружу вылезла па-

рочка мелкорослых VI—VJ 38 и направились к почтовому отделению, здание которого стояло чуть дальше по дороге. Пегасец неторопливо похромал в сторону космолёта. В мохнатой ладони он держит какой-то конверт, видимо, заказ поставщикам на Кабаззе-1.

Мы со Сто Сорок Четвёртым обмениваемся взглядами и направляемся к транзитке. Пилот, фиолетовый бочковатый RT-17, вышел наружу и разговаривает с продавцом. Вот уж не знаю по какой причине, но всех RT-семнадцатых обязательно красят в фиолетовый цвет. Видимо, в последнее время дизайнеры из «Интернэшнл Роботикс» как-то обмельчали.

Подойдя к двери, мы киваем пилоту и продавцу и заглядываем внутрь. Десять двухместных сидений с бордовой обивкой, три робота, сидящих в разных концах салона. Круглый красно-голубой AG-3 поставил голову на клешни и смотрит в окно. Вытянутый как палка, ядовито-жёлтый LL-4 колукает пальцем дыру в обивке. Рядом с ним стоит небольшой ящичек для инструментов. Чёрно-белый FM-6 скрестил руки на груди и подозрительно смотрит на всех остальных. Они, FM-шестые, как особо умные роботы, вообще ко всем подозрительно относятся. Даже тот всезнайка из кафе на Плуфффе.

В салоне негромко играет музыка. Диско из Старой эпохи. Откуда оно здесь, спросите вы? Да, соглашусь с вами, довольно странной получилась эта Вселенная. Тысячи и мил-

лионы лет назад фантасты и учёные разных миров мечтали о тех временах, когда все планеты будут жить в полной гармонии, всюду будут властвовать прогресс и высокоразвитая техника, а все живые существа будут жить в своё удовольствие. Как ни странно, но мечтам этим не суждено было сбыться. На одних планетах полная свобода действий, на других и шагу не сделаешь бесплатно, на третьих же вас захотят съесть живьём, как только вы наберётесь смелости покинуть свой космолёт. Высокоразвитой техники тоже, по сути, нет. Да, вы можете совершить сверхсветовой перелёт, чтобы, позавтракав в предгорьях Жёлтых скал на Денебе-5, пообедать в приморском кафе на Антаресе-20, и всё это обойдётся вам очень дёшево. Но при этом такая вещь, как робототехника, развития не получила. Вся продукция «Интернэшнл Роботикс», в сущности, представляет собой громоздкие бочки на ногах и колёсах со множеством дефектов и недоработок. Издержки массового производства, знаете ли. Мечты о том, что роботы будут выполнять абсолютно любую, даже самую мелкую, работу, оказались неосуществимы. Как и миллионы лет назад, все живые существа сами зарабатывают себе на жизнь. Как, к примеру, это пегасец, торгующий неизвестно чем на затерянном в космосе астероиде. Единственное, чему удалось достичь гармонии во Вселенной – это музыка. Примерно один раз в пять-шесть стандартных лет модные веяния популяризируют какое-нибудь направление, и миллиарды миллиардов музыкальных

устройств по всей Вселенной воспроизводят одно и то же. В прошлом все слушали синтезированные обработки этнической музыки с планеты Кжэ, но скажу вам, у меня эти многочасовые пьесы с их шестнадцатью нотами особой симпатии не вызывали. А недавно кто-то из Сталкеров раскопал в архивах стиль времён Старой эпохи, который на забытой всеми планете Земля назывался «диско». Хотя, как говорил мне всё тот же всезнайка FM-шестой, временной охват тут побольше, и слушаем мы не только «диско» в чистом его виде. Так или иначе, но сейчас в кабине несколько женских голосов поют нам о том, что все ночи – длинные. Что они имели в виду, я так и не понял. Земляне, что с них возьмёшь.

– Ну что ж, – довольно потирает руки Сто Сорок Четвёртый, – навстречу тёплому климату и райской жизни. Я иду, Лино! – говорит он, поднимает ногу на порог и входит в салон. И при этом умудряется удариться головой о косяк входной двери. Пошатнувшись, он на мгновение замирает, после чего проходит в конец салона. FM-6 провожает его подозрительным взглядом.

Я прохожу следом и сажусь на сиденье в другом ряду. Мельком смотрю на Сто Сорок Четвёртого: вроде цел, только одна щёточка-бровь слегка погнулась. Ну и рука, как обычно, жужжит и поскрипывает.

Тем временем пилот кивает пегасцу и входит в салон. Продавец машет рукой, отходит назад и тут же начинает кричать что-то двум КJ-первым, окончательно измусолившим

ящик.

– Следующая остановка – Кабазза-1, – объявляет пилот, закрывает двери и запускает двигатели. Почему-то Сто Сорок Четвёртый сразу же напрягся и схватился пальцами за обивку на сидении. В динамиках у меня над головой запели что-то там о музыкальный экспресс.

Космолёт медленно поднимается и начинает задирать нос. Я вижу нашу тень, падающую на дорогу и двух КJ-первых, стоящих возле обломков ящика. Внутри сияет что-то красное.

Транзитка зависает перед внутренними воротами шлюза. Раздаётся громкое шипение, и мы влетаем внутрь прозрачной трубы. Вход у нас за спиной закрывается. Теперь вибрация в салоне чувствуется сильнее – сказывается нахождение в замкнутом пространстве. Слева от меня Сто Сорок Четвёртый всё сильнее сжимает пальцы на обивке. Странные они, эти ST-восьмые.

С шипением открываются внешние ворота, и мы выходим в открытый космос. Пилот пробегает пальцами по панели, и Калькутта-9 у нас за спиной за одно мгновение превращается в крохотную точку. Ещё через минуту справа проносится огромный голубой шар с красными вкраплениями по экватору – газовый гигант Немус-8. Впереди слева уже виден безжизненный Немус-7 со своими кислотными океанами. Космолёт набирает скорость.

Проходит около пяти минут, и я замечаю, что Сто Сорок

Четвёртый начинает ерзать на сидении. Потом он хватается руками за голову. Нехорошо это, думаю я. И тут лупоглазый подскакивает и орёт на весь салон:

– Немедленно остановите космолёт! – кричит он. – У меня клаустрофобия и боязнь полётов. Пилот, немедленно сажайте нас! Мне надо выйти! – он выпрыгивает в коридор. – Робот, я приказываю тебе! Мне плохо...

Ну, я-то понимаю, в чём тут причина. Когда Сто Сорок Четвёртый ударился головой о косяк, у него вполне могла отойти плата, отвечающая за координацию, а вибрация при выходе из шлюза ещё больше эту плату расшатала. В итоге у лупоглазого сбилась вся система ориентации в пространстве. Но его «человеческая» суть восприняла это по-своему.

Роботы в салоне с интересом наблюдают за происходящим. Пилот спрашивает, в чём дело, но в ответ получает приказ садиться сейчас же. FM-шестой закатывает глаза и отворачивается от всей этой суеты. Остальные советуют лупоглазому сесть на место.

Но тот и не думает останавливаться. Он заскакивает на сиденье и начинает бить рукой по стеклу. Раз за разом.

– Воздух, – кричит он, – мне нужен воздух!

– Клянусь Линуксом, немедленно прекратите! – орёт с места пилот и щёлкает кнопки на панели. В динамиках кто-то под весёлый аккомпанемент труб поёт, что ему это нравится.

Сто Сорок Четвёртый снова и снова бьёт по стеклу. Учтите, он робот-заправщик, а потому руки у него очень сильные,

и даже космическое стекло может не выдержать. Я бросаюсь к нему, но уже поздно. По стеклу пробегает трещина, и из-под кулака лупоглазого вылетает крошечный осколок стекла. Он медленно полетает мимо недоумевающего ST-восьмого, пересекает коридор, проходит рядом с моими глазами. И тут же стекло с шумом вылетает наружу.

Надо отдать ему должное, но Сто Сорок Четвёртый успевает ухватиться за спинку сидения, чтобы его не высосало в космос. Со стены срывается один из динамиков и, с искрами удавшись о раму окна, исчезает в холодной темноте.

Пилот кричит нам, чтобы все мы держались за что-нибудь. Но голоса его почти не слышно из-за рёва воздуха, вытягиваемого в окно. Космолёт начинает вращаться и сбивается с курса. Видимо, RT-семнадцатый пытается направить его на коричнево-красный Немус-6, показавшийся впереди. В болтанке руки долговязого LL-четвёртого не выдерживают и он, вращаясь, пролетает по салону и с криками пропадает за окном.

«Хвала Линуксу, роботы могут находиться в открытом космосе», – успеваю подумать я. Всё пространство перед нами уже заполнил собой огромный шар планеты. Пилот, висящий на штурвале, тянется к панели управления, чтобы включить экстренное торможение. Да, полёты на сверхскоростях имеют свои недостатки.

Движки загудели с новой силой, а мы в этот же момент с громким хлопком вошли в атмосферу планеты. Космолёт

со всех сторон окружает пламя, отдельные языки пробиваются в открытое окно. Уже загорелось кресло, за спинку которого держится Сто Сорок Четвёртый. Он кричит что-то невразумительное. Космолёт, вращаясь, падает вниз.

– Я не удержусь! – доносится до меня крик лупоглазого. – Спаси меня, робот! – и тянет ко мне руку. – Держи крепче!

Прицепившись к раме, я протягиваюсь к нему и хватаю за кисть. Тут же кресло, за которое он держался до этого, с рёвом высасывает наружу. По салону, отскакивая от стен, потолка и пола, летает вращающийся АГ-3. Пилот кричит нам, что видит впереди лес и будет сажать нас туда. Сажать! Каков остряк, а?

«И нашёл же время пошутить», – думаю я.

В этот момент замечаю, как подскочили щёточки-брови на лице у Сто Сорок Четвёртого.

«Что происходит?», – только и успеваю подумать я, как вся рука лупоглазого отрывается, и тот с криком вылетает в окно.

«Вот и слетал на Лино», – думаю я, продолжая держать в кулаке бесполезную отломанную деталь ST-восьмого.

Перед нами виднеется красный настил леса. Пилот даёт нам команду приготовиться к удару. Я подтягиваюсь к раме, за которую держусь, и замечаю, что рука Сто Сорок Четвёртого всё ещё у меня. И в этот момент лобовое стекло пробивает верхушка огромного дерева, проходит через салон и вырывается в заднее окно. Космолёт на большой скорости на-

чинает нанизываться на ствол, отчего транзитку тут же разрывает на четыре части – крыша, дно и два борта разлетаются в разные стороны, засыпая всё вокруг стеклом и кусками покорёженного металла. Я лечу вниз, ломая по дороге мелкие веточки, после чего с грохотом падаю на землю. Процессор от встряски выключается...

Перед глазами медленно растёт оранжевая точка. Это у меня так процессор запускается. У новых-то моделей всё шустрее происходит, а у меня – так. Недоработка серии, знаете ли. Постепенно перед глазами начинает вырисовываться картинка: ствол огромного дерева с красной кроной. Сверху медленно парят на землю маленькие листочки. Яркие лучи света пробиваются сквозь листву и свисающие лианы, отчего всё вокруг кажется жёлто-красным. С писком загружается моя звуковая карта, и я слышу нарастающий звук. Видимо, пилот кричит, разыскивая нас. К голосу добавляется ещё какой-то звук. Чавкающий звук. Я приподнимаюсь на локтях и вижу, что на груди у меня сидит небольшое коричневое существо с чешуйчатой кожей, шестью лапками и длинным хвостом, свисающим на землю. Головы как таковой у существа нет, просто из туловища его растёт длинная шея, переходящая в рот-присоску, на краю которого блестят три маленьких глаза. Существо впилося мне в грудь, пытаюсь, ви-

димо, меня съест. Я щелчком сбиваю козявку, и та с визгом улетает в кусты неподалёку. Оглядываюсь.

У основания дерева лежит смятый ударом зелёный борт космолёта. Неподалёку лежат два опрокинутых подгоревших сиденья. Чуть выше на ветвях висит оторванный двигатель. Судя по звуку, в нём что-то ещё работает. Рядом с ним на ветке сидят ещё два существа с присосками, только гораздо большего размера. Они с любопытством разглядывают неизвестную гудящую штукловину, упавшую с неба.

Из-за дерева, раздвигая высокие листья кустарников, выходит странно шатающийся RT-семнадцатый. На его фиолетовом боку большая вмятина. При его приближении слышно, как внутри стучит по боку какой-то вал. Он осматривается по сторонам, один его глаз разбит. Тут пилот замечает меня, и я слышу, как настраивается фокус его уцелевшего фотоэлемента.

– Ты как? – спрашивает он меня и, сильно хромя на правую ногу, приближается. – ЦПУ не задет?

– Нет, хвала Линуксу, – отвечаю я и встаю. – Где мы?

– Немус-6, – говорит он, останавливаясь. – Ближе к экваториальной зоне. Точней координаты сказать не могу – настройки полетели, – он снова осматривается. – Никого из пассажиров больше не видел?

– Нет, – я смотрю на смятые останки космолёта. – LL-четвёртого высосало ещё в космосе. Сто Сорок... эээ... ST-восьмой выпал уже позже, после входа в атмосферу, – я огля-

дываюсь и вижу руку, валяющуюся у кустов слева. – Вот, только рука от него и осталась, – я прохожу и поднимаю деталь. – Где круглый – я не знаю.

– Да, я его тоже не видел, – кивает пилот и начинает бить себя по боку, пытаясь выправить вмятину. – Я осмотрел передатчик, но тот разбит вдребезги. Сигнал нам подать не удастся.

– Что предлагаешь делать, командир? – я прикрепляю руку Сто Сорок Четвёртого на грузовые держатели у себя на спине.

– Насколько мне известно, на Немусе-6 есть поселения, но они довольно маленькие. При падении я ничего такого не заметил, – он смотрит по сторонам, слегка трясая головой, потом нерешительно указывает куда-то вглубь леса. – В том направлении была река, крупная. Можно идти по берегу в надежде набрести на кого-нибудь.

Так мы выдвигаемся в указанном направлении. По дороге RT-семнадцатый всё больше молчит, и я слышу лишь движение искорёженных механизмов внутри него да животные звуки леса. Иногда пилот останавливается и спрашивает меня, верно ли мы идём. Да, а координация у него действительно сбита. Лишь бы он сразу указал правильное направление.

Примерно через один стандартный час мы слышим, как что-то тяжёлое движется где-то впереди. Я останавливаюсь и даю пилоту знак рукой спрятаться за широким стволом дерева. Хоть мы и роботы и, в принципе, неживые, но безопас-

ность для нас играет определённую роль. Третий закон робототехники, знаете ли.

Мы видим, как справа появляется ещё одно местное существо – громадный десятиногий ящер, прогнутый в середине и оттого похожий по форме на букву «М». У животного огромная голова с широким ртом. Существо останавливается на поляне, делает какие-то движения, потом широко раскрывает рот и выплёвывает красно-голубого АГ-3. Тот падает под ноги животного и замирает, глядя вверх. Ящер сплёвывает остатки слюны и с шумом скрывается в кустах.

– Вот и круглый нашёлся, – говорю я, и мы подходим к так и лежащему на поляне роботу. – Ты как? Идти сможешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.